

А. Алексеев

(при участии Е. Путиловой-Стумбрис)

НА СЕМИ ВЕТРАХ

(исповедь общественного активиста)

Содержание:

Вместо предисловия

ЧАСТЬ 1

1. На пороге профессионального пути (1950-е)
2. Правоверный комсомолец. Журналист (1950-е)
3. Журналист (конец 1950-х). Бригады коммунистического труда
4. Первое «хождение в рабочие» (первая половина 1960-х)
5. Опять журналист (середина 1960-х)
6. Читайте «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»»)
7. О «независимых ассоциациях» советского времени
8. «Социология и театр» (1970-е)
9. «Ожидаете ли Вы перемен?» (конец 1970-х)

ЧАСТЬ 2

10. Общественная активность советского времени. Комсомольский вожак (1950-е)
11. Партийный секретарь (середина 1970-х)
12. Попытка «давления на ЦК нашей партии»
13. «Эксперимент социолога-рабочего» и вокруг него (1980-е)
14. «Прораб Перестройки» (конец 1980-х – начало 1990-х)
15. Социолог (1990-е – 2000-е)
16. «Не работающий» пенсионер
17. Конкретно-исторический подход

Вместо эпилога

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Е. Путилова-Стумбрис – А. Алексееву

Андрей Николаевич, здравствуйте!

Недавно, мы со своими коллегами (всего нас 4 человека) начали работу над проектом РГНФ "НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности", в рамках которого мы берём биографические интервью, с целью проследить жизненный

путь человека в НКО. В качестве эксперимента, мне бы хотелось попробовать так наз. "электронное интервью". И, если Вы не возражаете, хотелось бы на Вас опробовать всё это. Т.е. методика следующая: я задаю Вам вопрос по e-mail, Вы мне на него так же отвечаете, я задаю следующий и т. д. Как Вы смотрите на это?

С уважением, Елена. (10.06.2014)

А. Алексеев – Е. Путиловой=Стумбрис

Здравствуйтесь, Лена!

Почему бы и нет? Тем более, что у меня есть опыт дачи именно электронного и именно биографического интервью. Ассом этого жанра является мой друг и коллега Борис Докторов, российский социолог, вот уже 20 лет живущий в США и создавший уникальную коллекцию биографических интервью с коллегами-социологами, причем взятых именно методом интервью on line ("через океан"). Посмотрите <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>, в порядке «мастер-класса». Там есть, кстати, и два МОИХ интервью, которые могут Вам пригодиться.

С другой стороны, если Вы будете меня "допрашивать", я сам туда заглядывать не стану. Так что можно будет потом сравнить интервью, взятые у *одного и того же* человека в *разное* время и *разными* интервьюерами. Таков мой персональный "навар" от Вашей затеи.

Также еще учтите, что понятие НКО (некоммерческая организация) вошло в мою жизнь лишь уже близко к 60. Не будет ли это противоречить теме вашего проекта "НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности"?

Ваш - Андрей Алексеев. 11.06.2014

Е. Путилова-Стумбрис – А. Алексеёву

Андрей Николаевич, возраст не имеет значения, в данном случае...Тем более, что мы ещё хотим "приложить" к исследованию поколенческий анализ (теория поколений). Я рада, что Вы согласились! Для меня это нечто новое, но, безусловно, мне интересно, что из всего этого получится.

Итак, начнём...

ИНТЕРВЬЮ А. АЛЕКСЕЕВА

ЧАСТЬ 1

1. На пороге профессионального пути (1950-е)

Андрей Николаевич, расскажите, пожалуйста, как начался Ваш профессиональный путь? Не карьера в НКО, а профессиональный путь в целом... (12.06.2014).

- Да уж, когда начинался мой профессиональный путь (середина 50-х прошлого века), самого понятия НКО еще не существовало, и существовать не могло. Был, скажем, «передовой отряд советской молодежи» (комсомол), ну и «общественные организации»,

вроде Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, «народных дружин» или студенческого научного общества.

Немного предыстории. Я родился в Ленинграде, в год убийства Кирова, в 1934 году. В начале Великой Отечественной войны был ребенком, эвакуировался с родителями в г. Омск. По возвращении в Ленинград, вскоре после снятия блокады (1944), учился в 181-й средней школе (та, что в Соляном переулке).

После школы я без экзаменов (медалист) поступил на филологический факультет Ленинградского университета (1950). Моя мать, Варвара Петровна Пузанова, сама родившаяся как раз на рубеже прошлого и позапрошлого веков и кончавшая еще дореволюционную гимназию, успела, в мои школьные годы, выучить меня трем европейским языкам и даже добилась, чтобы у меня приняли экзамены и записали в аттестат зрелости все три языка: английский, французский, немецкий (случай по тем временам экстраординарный).

Мать надеялась на мою «лингвистическую» карьеру. Я и сам едва ли не претендовал стать полиглотом и устремился на славянское отделение филфака. Почему-то особенно интересовался чешским языком и литературой, но в итоге оказался в болгарской группе. (Близко родственным языком, вроде болгарского или украинского, овладеть, кстати сказать, труднее чем языком с совсем иными корнями, - тем более при отсутствии языковой среды и живой речевой практики).

Учеба давалась мне легко, был даже Сталинским стипендиатом, но это, разумеется, не только за круглые пятерки, а больше - за «общественную деятельность», в качестве комсомольского активиста, каковым стал - от члена курсового комсомольского бюро до полусвободного секретаря факультетской комсомольской организации (на факультете - больше тысячи комсомольцев). Вот Вам и «карьера» в общественной организации. Почти - в тему.

Из семьи я вынес общечеловеческие ценности (прежде всего от матери), в студенчестве - причастился к общественно-политическим. Был я ортодоксальным, «правверным» комсомольцем, И от этого наследия освободился очень не скоро - уже после вторжения советских войск в Чехословакию (1968), и то не вполне.

(Впоследствии я называл себя «запоздалым», или «дурным» шестидесятником).

Славянское отделение называлось еще «переводческим» и предполагало даже лишний год обучения (не 5, а 6). То есть, вроде, готовились кадры для работы в восточно-европейских странах. Но к середине 50-х почему-то оказалось, что эти кадры не нужны, и всем «славянам» было предложено получать параллельную специальность, как правило - «учитель русского языка и литературы» (как большинству курса). Но несколько человек проявили инициативу закончить параллельно не «русское», а журналистское отделение, в ту пору существовавшее на филфаке (в отдельный факультет оно выделилось позднее). Разумеется, это требовало досдачи всех зачетов и экзаменов по смежной специальности.

К такому повороту судьбы я был подготовлен студенческими стройками, комсомольским активизмом и т. п.: «живая жизнь» казалась интереснее «суффиксов и префиксов».

Этот конфликт книжных и деятельных интересов был заложен, возможно, еще соединением материнских и отцовских «генов»: отец Николай Николаевич Алексеев, инженер-технолог, как и моя мать, был, в отличие от нее, не теоретиком, а практиком в машиностроении (она читала лекции и писала книги по теории допусков и посадок, он же был главным технологом крупного оборонного завода). И так, на тот момент победила отцовская «наследственность».

(Интересно, что как мать, так и отец были беспартийными)

2. Правверный комсомолец. Журналист (1950-е)

Некий минимум «литературных» способностей, развитых матерью, способствовал успешному началу журналистской карьеры. Еще во время учебы в Университете проходил практику в одной из районных газет Ленинградской области (г. Бокситогорск), потом в областной газете «Волжский комсомолец» (г. Куйбышев, теперь – Самара). И по окончании Университета (1956), поехал, по распределению, в Куйбышев, где в упомянутой выше молодежной газете из литсотрудника довольно быстро вырос до зав. отделом комсомольской жизни и члена редколлегии.

Ну, журналистская профессия в те годы была сугубо идеологизированной, надо было воспевать подвиги героев послевоенных пятилеток, а критиковать можно было только комсомольских вожаков, и то – не выше райкома комсомола, а даже низового парторга – ни-ни, на то есть областная партийная газета «Волжская коммуна» (между прочим, кажется, и по сию пору так называется). Впрочем, довелось поехать и по многонациональной сельской глубинке Куйбышевской области, и спускаться в шахты по добыче сланца, и на «Куйбышевгидрострое» побывать не однажды (кстати, именно тогда город Ставрополь-на-Волге ушел под воду, а то, что от него осталось на берегу Жигулевского моря, впоследствии выросло до почти «миллионника» - города Тольятти).

Как «молодой специалист», я должен был отработать по распределению в «Волжском комсомольце» три года. Но это при условии обеспечения жильем по месту работы. Однако такой возможности у редакции не оказалось. Все это время я снимал комнату в «частном секторе», иногда ночевал в редакции. И когда через год и 4 месяца работы я заявил о своем желании вернуться в Ленинград, возразить мне было нечего. По счастью, в Ленинграде сохранялась бронь, т. к. прописка в Куйбышеве в этой ситуации могла быть только временной. И мы с моей первой супругой, выпускницей того же филфака ЛГУ, ныне покойной Еленой Ивановной Алексеевой (в девичестве – Ларионовой) вернулись в Ленинград. Окончив «русское» (выпускавшее школьных учителей) отделение, Е.И. тоже пошла в журналистику. И мы с ней оба стали трудоустроиваться в районных газетах, она – в Госненской, я - в Ломоносовской (с разных вокзалов ездили на работу на пригородных электричках). Дело было в 1958 году

В Ломоносовской газете «Вперед» нужен был ответственный секретарь. Это человек, к которому поступают материалы от зав. отделами (в районной газете отдел состоит, как правило, из одного человека), он эти тексты вычитывает, при необходимости – редактирует и размещает на газетной полосе (точнее – на ее эскизе, модели). Тут требуются известные дизайнерские умения. Редакция и типография в районной печати обычно располагаются в одном здании. Ответственный секретарь», он же - и «мэтр-ан-паж», непосредственно взаимодействующий с наборщиком-линотипистом и верстальщиком полос «в металле». (В те времена учесть корректорскую правку означало не просто на клавишу компьютера нажать, а отливать заново строку или даже целый абзац).

Работая в Ломоносовской редакции, я как-то умудрялся публиковаться также в областной молодежной газете «Смена» (сейчас не очень соображу, как это удавалось совмещать физически, ведь каждый день дорога на работу и обратно - 3 с лишним часа).

Специализировался в основном на «душещипательных» очерках о людях: какие они все хорошие, только некоторые - недостаточно сознательные, и времена трудные. Впрочем оставалось уже недолго до того времени, когда глава партии и государства на очередном съезде провозгласил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Для меня дело кончилось тем, что меня взяли в газету «Смена» литсотрудником (все тот же 1958 год). Но это уже вроде не «начало» профессионального пути, а его продолжение, о чем тоже могу рассказать, если спросите. (12.06.2014)

Очень интересно! Мне, почему-то, всё это начало Вашего профессионального пути наполнило Хемингуэя...не знаю почему, ассоциативное мышление какое-то сработало)

А вот, в самом начале Вы сказали, что в 1950-е гг. были лишь «общественные организации», вроде Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, «народных дружин» или студенческого научного общества». А как же диссиденты? Вы - филолог по образованию, гуманитарий... и, как мне кажется, человек высокой общественной чувствительности... и Вам, по-любому, не могла не быть интересной вся эта «заварушка» с диссидентами. А значит, Вы вполне могли принадлежать к тем «проклятым» интеллигентам, которые их поддерживали, если не открыто, то тайно... Каким-либо образом, в те 1950-е, или в 1960-е, 1970-е гг. Вы сталкивались с диссидентами? Как Вы вообще относились к такой стороне (форме) общественной активности? (13.06.2014).

- Дорогая Лена! Вы как-то забегаете вперед, Ведь мы с Вами «находимся» в 1958 году. Сам по себе термин «диссидент» появился лишь в середине 60-х. Конечно, были и тогда (в 50-е и даже в 40-е годы) противники режима, с которыми, кстати, жестоко расправлялись. Ну, не буду углубляться в разницу между ними и диссидентским движением, которое развернулось позднее.

Я, конечно, могу рассказать о своих контактах с инакомыслящими в 60-е, тем более - в 70-е годы, но тогда понадобится сначала продолжить рассказ о «профессиональном пути» после 1958 г.

В 50-е же годы, будучи студентом Университета, а потом – начинающим журналистом, я, как уже говорил, был вполне правоверным комсомольцем, и ни с какими «антисоветчиками» не только не общался, но даже и не слыхивал о них.

Конечно, был в 1956 году XX съезд, полузакрытое изобличение культа личности Сталина, которому (изобличению) люди моего типа поверили так же, как прежде верили Сталину. Тут еще та биографическая особенность, что моих родителей непосредственно не коснулись репрессии 30-х гг., а от информации о не близких родственниках родители (как и в большинстве семей) меня берегли.

Может показаться удивительным, но проучившись на филфаке 6 лет (с 1950 по 1956), я ничего толком не знал о фактическом разгроме филологии в конце 40-х, а советскую литературу нам читал... проф. Плоткин - тот самый, который был главным подпевалой Жданова в пору партийного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», заклеившего М. Зощенко и А. Ахматову.

(Ну, конечно, были у нас и выдающиеся учителя, вроде Бялого или Макогоненко, но сейчас не о том речь).

В пору моего комсомольского секретарства на факультете, даже уже и после смерти Сталина, была особая, утрированная забота о нравственной (в тогдашнем смысле) и идеологической чистоте комсомольских рядов. Помню, одного из студентов прорабатывали за то, что он интересуется индийской философией «больше», чем марксистско-ленинским учением.

В 1955 году, кажется, было громкое персональное дело четырех студентов-журналистов, которые, сидя на лекции, играли во что-то вроде буриме (каждый дописывает следующую стихотворную строчку), и у них получилось: «Пускай... (не помню слово. – А. А.) или банкир / Себе отрачивают пузо. / Но мы, товарищи, за мир, / мы будем кушать кукурузу». К чести моей, несмотря на собственную ортодоксальность, я тогда возражал против их исключения из комсомола (а только – строгий выговор!), причем вопреки мнению партийного секретаря (!!). Мнения на заседании факультетского комсомольского бюро разделились чуть ли не поровну. По счастью, райком их в комсомоле все-таки оставил.

(С одним из этих «проштрафившихся» комсомольцев – Эдуардом Лиском - мы потом встретились в ломоносовской редакции и близко сошлись, с другим – впоследствии известным поэтом и собкором «Литературной газеты» Ильей Фояковым – тоже не раз сводила судьба).

Итак, В ТУ ПОРУ не приходится говорить о каком-либо моем критическом настрое, какая бы «общественная чувствительность» у меня ни была. Интересно, что некоторые из моих нынешних друзей, которые немногим старше меня (ну, на 3-4 года) уже тогда были куда более социально продвинуты, зрячи. Так, например, мой друг со второй половины 70-х гг. и по сей день Виктор Шейнис (ныне – известный общественный деятель, экономист и политолог, депутат Госдумы нескольких созывов, один из авторов современной Конституции РФ) еще в 1957 году написал статью «Правда о Венгрии», за что был изгнан из комсомола и из аспирантуры. Боюсь, что ТОГДА я мог бы быть одним из тех, кто его осуждал.

Итак, мы остановились на том, что на третьем году своего журналистского (и вообще – трудового) стажа (1958) я стал литсотрудником ленинградской молодежной газеты «Смена». Хотите ли Вы знать, что было дальше, в частности, про мою социальную мобильность – «вертикальную» и «горизонтальную»?
(13.06.2014)

Спасибо, Андрей Николаевич!

Конечно, хочу знать! Как складывалась Ваша жизнь в последующие годы?
(14.06.2014)

3. Журналист (конец 1950-х). Бригады коммунистического труда

- Пожалуй, освещать в одном ответе последующие 55 лет жизни будет многовато. Я съужу Ваш вопрос до «продолжения жизни» вплоть до завершения журналистской карьеры и начала занятий социологией. Это произошло в 1965 году

В газете «Смена» я поначалу занимался тем же, что и в «Волжском комсомольце». Эдакие претендующие на «литературность» очерки о хороших людях, пафосная публицистика по случаю юбилея ВЛКСМ, дозированной критика комсомольских вожаков...

Моей положительной особенностью, была забота о том – как воспримут мои сочинения их герои, а также их (этих героев) ближайшее окружение. Для журналистов, почти как для врачей, должен действовать принцип «Не навреди!». Как правило, я заранее показывал предназначенный для публикации текст тому, о ком пишу, - исправлял неточности, убирал социально-психологические «подводные камни».

Мои газетные очерки были в духе тогдашних «производственных романов» советской литературы: в центре внимания – борьба лучшего с хорошим.

Помню, писал «Письма» с Волховского алюминиевого завода. Каждое письмо посвящено конкретному человеку. Один из очерков среди этих «Писем...» выделялся. Он был посвящен молодому литейщику и электролизнику (примерно моему ровеснику) Гурию Забелкину. Он когда-то прочитал книгу Ильина «Как человек стал великаном» и, окончив вечернюю школу, решил поступать на философский факультет ЛГУ.

Сразу это у Гурия не получилось, а он – с обостренным чувством справедливости – добивался отмены лишней и трудоемкой операции по зачистке алюминиевых чушек, выплавляемых в литейке, - операции, предписываемой устаревшей технологией. Притом, что он был прав, сразу у него это тоже не получилось. А еще он был низовым комсомольским вожаком, И тоже не очень получалось, потому что он действовал «индивидуалистически», вместо того, чтобы сообща – с товарищами-рабочими и комсомольцами.

Очерк «Странный парень» появился в «Смене», с некоторым назиданием в пользу коллективизма. В общем, не благодаря, а несмотря на это, мы очень подружились, так что я, несколько лет спустя, сам стал электролизником в том же цехе Волховского алюминиевого завода, что и он.

(А Гурий тем временем поступил-таки на философский, окончил его, на вечернем отделении, и уже во второй половине 60-х стал преподавать философию в Пушкинском сельхозинституте; что продолжалось, впрочем, недолго, т. к. он на каком-то заседании кафедры – даже не среди студентов – выразил сомнение в какой-то из азбучных истин марксизма-ленинизма, за что был исключен из партии и изгнан из института, собственно – даже не за это, а за то, что не захотел «покаяться». О Гурии Забелкине, а также о волховском периоде своей жизни я писал потом довольно подробно в книге: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 548-552).

В очерке о Гурии Забелкине (1959) вроде чуть прорезались ростки «проблемности» – в журналистском творчестве А. Алексеева, это - в возрасте 25 лет.

Энергия и «истовость» молодого сотрудника газеты не остались незамеченными, и через год после поступления, когда заведующая отделом комсомольской жизни Ирина Смирнова ушла заведовать общественно-политической редакцией на Ленинградскую студию телевидения, его (то есть меня) назначили исполнять обязанности заведующего этим отделом, т. е. как бы повторилась ситуация «Волжского комсомольца».

(Впрочем, потом, когда главным редактором «Смены» стал мой однокурсник по университету – комсомольский и профсоюзный лидер в студенческие времена Михаил Королев, впоследствии - член редколлегии газеты «Правда», меня – беспричинно, как мне и по сей день кажется, «разжаловали» в литсотрудники, а заведовать отделом комсомольской жизни поставили другого моего университетского однокашника)

Тем не менее, был открыт семафор для моего роста по общественной линии: кандидат, потом член КПСС (1961). Вступление в партию для молодого журналиста не было карьерным шагом. В то время он все еще оставался «правоверным комсомольцем», о чем еще расскажу. И вступать в партию следовало, по его логике, хотя бы для того, чтобы эффективнее бороться с недостатками, «пережитками капитализма», преодолеть последствия «культы личности» и т. п.

Уже к концу моего пребывания сотрудником газеты «Смена» я был избран членом бюро Фрунзенского райкома ВЛКСМ. Точно не помню, но, кажется, меня приглашали вообще стать штатным комсомольским работником.

(А вот мою тогдашнюю супругу Елену Ивановну в те годы усиленно вербовали в секретари Госненского райкома комсомола; напомним, она работала в редакции районной газеты.. Но у нее, как и у меня, слава Богу хватило ума на эту «приманку» не клюнуть).

Ну, в сентябре 1960 года у нас с Е. И. родилась дочь Ольга. По 26-27 лет обоим – пора уж.

Моя работа в газете «Смена» пришлась на знаменательный период в жизни страны. Его теперь называют «оттепелью», но в этот период относительной либерализации хватало и рецидивов сталинизма.

Ну, уже возникало неприятие газетных штампов типа «Воодушевленный решениями партийного съезда, весь советский народ...», но отсюда для молодого журналиста вытекало, что надо искать какие-то особо проникновенные, «берущие за душу» слова, для выражения тех же смыслов. Официальный пафос «с человеческим лицом», я бы сказал.

Именно в это время от «комсомольских походов за кукурузу» и «подвига молодых целинников», на фоне приурочивания к жизни при коммунизме (который должен был наступить в 1980 году), возникла кампания, ставшая многолетней, А именно: «движение за коммунистическое отношение к труду», как высшая форма (разновидность) «социалистического соревнования». «Зачинателями» явились (были назначены...) в

ноябре 1958 г. комсомольцы и молодежь депо «Москва-Сортировочная», где 40 лет назад произошел первый «коммунистический субботник» (обозначенный Лениным как «Великий почин»).

В Ленинграде – первая «бригада коммунистического труда» заявила себя таковой (т. е. стала бороться за звание, которое ей тут же и было присвоено), бригада токарей Михаила Ромашова на ЛМЗ (Ленинградский металлический завод). Лозунгом таких бригад (а они стали расти как грибы после дождя) было: «Работать и жить по-коммунистически!» или «Учиться работать и жить по-коммунистически» (кто писал без запятой, а кто и с ней, подразумевая, что «учиться по-коммунистически» тоже можно).

Движение это «ширилось» по всей стране и обрастало символами, манифестами и формами. Здесь очень многое зависело от журналистов. Вот приходишь на завод, знакомишься с каким-нибудь успешным трудовым коллективом, беседуешь с его руководителем (бригадиром, мастером и т. п.), а потом сочиняешь от его имени статью-призыв на первую полосу: «Мы тоже хотим жить и работать по-коммунистически!».

Ну, разумеется, все это - в контакте с комсомольской и партийной организациями, которым тоже надо отчитываться о росте рядов «соребнующихся за коммунистическое отношение к труду».

В развитие этой кампании стали возникать участки, смены и даже цеха, «борющиеся за звание коллектива коммунистического труда», а лучшим - и присваивали это звание (присваивали партийные комитеты совместно с профсоюзом и администрацией) Движение «за коммунистический труд» персонализировалось: возникло понятие и звание «ударника коммунистического труда».

(Эта практика сохранялась на протяжении 30 лет! В пору моего «эксперимента социолога-рабочего» в 80-е гг. мне тоже было присвоено звание «ударника коммунистического труда», как, впрочем, и большинству тех, кто не выпивал и не прогуливал).

В общем, в 1960 г. я был тем самым журналистом, который: а) отыскивал эти «ростки коммунизма» (модное тогда словечко); б) сам их «кристаллизовал» или даже «изобретал»; в) освещал на страницах областной молодежной газеты, тем самым способствуя их распространению.

(Некоторые, наиболее яркие образчики моего тогдашнего творчества я потом включи в [книгу «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»](#) (Том 4. СПб.: Норма, 2005, с. 91-99).

Соотношение энтузиазма и скепсиса в этой моей деятельности было заведомо в пользу энтузиазма, т. е. воспевал я «бригады коммунистического труда» искренне, причем высоким слогом. Для меня эта работы была интересна, то было не службой, а служением. Стихийный эксперимент позволяет подтвердить это утверждение.

Уже в 1961 году мне довелось, по комсомольской линии, оказаться в составе молодежной туристской группы (составленной в основном из комсомольских работников) в Англии. В ту пору такие поездки были редкостью. Так сказать, «полпреды» советской молодежи для британских универсантов. (Достаточно сказать, что инструктировал нас перед этой поездкой лично первый секретарь обкома комсомола; кажется, его фамилия – Саюшев).

В этой поездке я писал ДНЕВНИК. Собственно, для себя. Какие-то наблюдения, впечатления, размышления. Наиболее интересны описания встреч с английскими преподавателями и студентами в Лестерском университете. Там довелось вести – кое-как - идеологические споры (пригодился мой французский, английский я знал хуже).

Не могу сказать, чтобы я или мои спутники (два или три человека владели английским) побеждали в этих спорах, но нам казалось, что мы были «на высоте».

Так вот, когда мы вернулись (а может быть, по дороге домой – не помню), я рискнул прочитать свой дневник спутникам. И был безоговорочно одобрен. А затем...

этот дневник, практически без правки, был опубликован в газете «Смена» под названием... «Вкус собственной правоты» (!!).

Судите сами, насколько же он (этот дневник) сам по себе был идеологически «правилен», сколько в нем было «советской гордости», отвечающей духу тогдашней коммунистической пропаганды!

(Интересно, что, когда в начале 90-х гг., я занялся разборкой своего архива и добрался до этих материалов, я был изрядно удручен и растерян: ну и набекрень же были тогда мозги! Характерна моя тогдашняя письменно зафиксированная реакция на вышеупомянутый дневник-очерк о поездке в Англию:

«...Случай этого дневника дает уникальную для автора возможность заглянуть в себя тогдашнего. Грустно? Смешно? Страшно? Не отворачивай лица. Смотришь в потускневшее зеркало. Да, это - ТЫ. Это - Я. Это... "МЫ". Старт духовного марафона, дистанция которого - без малого 30 лет.

Неопрровержимая улика в "досье на самого себя". Нелицеприятный материал к биографии "поколения шестидесятых". Уже на пороге финиша, не следует забывать о старте. 25.04.1991»

Впоследствии, уже в 1997, я в интервью журналу «Пчела» определил это не столь эмоционально, но достаточно сурово. Интервью называлось: «Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник». Оно также включено в упомянутую выше [«Драматическую социологию...»: Том 4, с. 85-91](#).

Однако не все так просто. Наряду с идейным инфантилизмом созревало ощущение какой-то поверхностности собственного приобщения к «живой жизни» «простых людей», всех этих членов бригад коммунистического труда и т. д. Казалось, что для постижения этой жизни, нужно стать ее частью, а не эпизодическим визитером по месту работы или даже проживания.

Так возникло мое первое «хождение в народ» (1961-1964; возраст: в начале этого периода 27 лет, в конце – 30 лет), как это окрестил кто-то из моих товарищей-журналистов. Я надумал уволиться из газеты и поступить на завод рабочим. Выбрал не слишком большой, но и не маленький - Завод по обработке цветных металлов (это название ленинградского предприятия в районе р. Пряжки), где обрабатывали алюминий, получая на выходе как листы дюралю, так и рулоны фольги. Это предприятие было примечательно тем, что оно являлось кандидатом... на присвоение звания завода коммунистического труда (!!). Вот уже до чего дошел размах этой общественно-политической кампании.

Новым местом моей работы (1961) стал прокатный цех на этом заводе. Профессия – вальцовщик (первые полгода – подручный вальцовщика).

Пожалуй, на этом месте я сейчас остановлюсь, чтобы узнать Вашу реакцию на рассказанное выше. Может быть, ответить на уточняющие вопросы, а потом – продолжить повествование. (13.06.2014)

4. Первое «хождение в рабочие» (первая половина 1960-х)

Доброго дня, Андрей Николаевич!

У меня нет слов, просто. Вы ещё и о половине своего жизненного пути не рассказали, а я уже пожалела о том, что не сценарист, и не режиссёр: да по Вашей жизни надо фильм снимать! Определённо, это был бы сериал...

У меня небольшое уточнение. Вы ушли «в рабочие», и что, оставили журналистику? Вообще? Не верю! Этот самый взгляд изнутри, который Вы приобрели, «вживившись» в рабочий класс, – что-то дал Вам? Оправдались ли Ваши ожидания? И, как складывалась Ваша дальнейшая журналистская судьба? А может

быть и не только журналистская? Может быть, Вы решились на очередной эксперимент, и вновь резко сменили род своей деятельности?

- Не первый раз сталкиваюсь с экзальтированным восприятием описанной перемены жизни. Между тем:

А. Перемен у каждого человека в жизни много, даже в самых «линейных» биографиях. Мне кажется, нет человека, о котором нельзя было бы снять «сериал»: все зависит от подхода и таланта сценариста и режиссера. Бывают и случаи, когда человек «сам себе сценарист». Но об этом отдельно, после.

Б. Мало кто никогда в жизни не побывал в положении работника физического труда. Но, как правило, это бывает в начале жизни. У меня такого не было: школа - университет – газета, как бы умственный труд. Этот пробел в жизненном опыте хотелось восполнить.

В. Наконец, в самом деле было любопытно, что же там, в реальности, за этими декларациями о жизни и работе «по-коммунистически»? В какой мере они соответствуют действительности, и в какой – противоречат ей?

Ну, началось с того, что я попал на самый допотопный прокатный стан в качестве задающего вручную листы алюминия в «щель» между двумя вращающимися «навстречу друг другу» «барабанами», или валками (отсюда название профессии – вальцовщик); с другой стороны вращающихся валков стоят подручные (обычно женщины), которые прокатанный лист вдвоем подают тебе обратно – над верхним валком, чтобы ты его снова запустил в щель, к тому времени уже сузившуюся за счет сближения валков. Этим управляет, через пульт, бригадир, задающий ритм процессу. Второй проход делает лист еще тоньше, и так может быть несколько раз, до нужной толщины. Металл, понятно, от такого обращения с ним разогревается, так что работают только в рукавицах.

Труд – исключительно физический, Ты, в сущности, придаток машины. Постоянно в движении, и к концу дня, особенно с непривычки, – спина каменная. (Работа, надо сказать, была в три смены: неделя – в утро; неделя – в вечер; неделя – в ночь).

По счастью, я был неплохо физически подготовлен (в школе и в университете занимался спортивной гимнастикой), так что «выдюжил», втянулся, от чего испытывал известное моральное удовлетворение.

Это, так сказать, физическое погружение. Но куда интереснее было погружение социальное, главным выводом из которого вскоре стало: все это «соревнование за коммунистический труд», и т. п. – не что иное как «туфта», и занимался ты в газете чепухой, а люди просто вкалывают, чтобы жить, и никакой тебе тут «коммунистической сознательности».

И так обстоит дело - хоть при подобном, в общем отупляющем и изнуряющем труде, хоть на более современных прокатных станах, где требуются не столько мускульные усилия, сколько умение и сноровка управлять громадным станком, да еще хитроумие, как отложить про запас «лишнюю» партию (прокатанный рулон), чтобы не показать слишком большое перевыполнение норм (а то расценки срежут) и предьявить потом эту партию, когда случится вынужденный простой.

В общем, поработал я и в цеху «коммунистического труда» (это звание ему было присвоено как раз в момент моего поступления, как «на заказ»), и по общественной линии – нагрузили меня вести кружок политпросвета («У Вас же образование!»), приобрел нескольких друзей-рабочих, у которых бывал и дома (один из них – Миша Сысоев, работавший на станке, разрезающем продольно алюминиевую ленту, был самодеятельным художником). С членами бригады вальцовщиков на прокатном стане «Кварт» (относительно современном), на который я был потом переведен (всего в бригаде - трое, включая меня) были чисто функциональные отношения.

Вел достаточно подробный дневник, сейчас перечитать его все руки не доходят. Но некоторые его фрагменты включены в уже упоминавшуюся [книгу «Драматическая социология...»](#) (Том 4. СПб.: Норма, 2005, с. 99-107)

Вы правильно предположили, что журналистику я не оставил. Благодаря трехсменной работе иногда высвобождалась часть дня. Что позволило, например, написать для газеты «Смена» едва ли не первую свою действительно проблемную статью на тему... о формализме в движении за коммунистический труд (кстати, на примере не того завода, где я работал, а другого). Статья называлась «Не личная драма», она получила резонанс такой, что Ленинградское телевидение затеяло передачу на эту тему, с участием нескольких известных на весь Ленинград рабочих-интеллигентов, так же, как и я (к тому времени), скептически на эту пропагандистскую затею смотрящих, и с моим участием в качестве ведущего.

Потом была резко критическая, проблемная статья «Приглашение на суд» (на тему борьбы с бюрократизмом). И тоже с последующей телепередачей. (Интересно, что обе передачи проходили «в прямом эфире»).

В общем, мое «хождение в народ» способствовало некоторым дерзким журналистским «акциям», правда, это было в условиях «оттепели».

Дальше... я «вошел во вкус» погружения в рабочий класс. Отработав около двух лет на заводе по обработке цветных металлов, уволился и вскоре устроился на Волховский алюминиевый завод в электролизный цех, где в то время продолжал работать герой моего очерка «Странный парень», будущий преподаватель философии Гурий Забелкин. Вроде бы работа в электролизном цеху, где электролизные ванны (тогда) обрабатывались вручную, с помощью отбойного молотка, считалась самой вредной среди производств. Ленинградской области. Это рабочему-журналисту добавляло азарта. Работа - в четыре смены, по 6 часов. Удалось поселиться в Волхове в общежитии. На выходные ездил в Питер, где жила жена с маленькой дочерью. Один раз даже умудрился изготовить для «Смены» статью, чтобы собрать материал для которой ездил, в промежутке между рабочими сменами, в соседний с Волховским район области.

5. Опять журналист (середина 1960-х)

Через 8 месяцев такой жизни, я решил, что достаточно познал современное производство и проникся рабочей психологией. И принял предложение вернуться к штатной журналистской работе в качестве литсотрудника «Ленинградской правды» (областная партийная газета). По сравнению с молодежной газетой это был карьерный рост.

В «Ленинградской правде» я проработал с августа 1964 по октябрь 1965 г. Сначала сотрудником отдела науки, потом... (наверное, не без учета моего «производственного опыта») был назначен заведующим отделом промышленности, строительства и транспорта (номенклатура обкома партии!). Этот год работы в газете я могу описывать уже без иронии. Начал я с очерка «Как меня учили» (на материалах своей «командировки» на Волховский алюминиевый завод). (Этот текст включен в [книгу «Драматическая социология...»](#) (Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 398-406). Все остальные журналистские материалы были проблемно-критическими. (Помню, одна из статей, посвященная внедрению в промышленность научно-технических разработок в вузах, называлась: «Узаконенный тупик: общий вид и детали» и в развернувшуюся по ее поводу дискуссию удалось вовлечь даже министра образования СССР (специально ездил в Москву брать у него интервью).

Время от времени («оттепель»-то уже кончилась!) редакционному руководству приходилось нового сотрудника «осаживать». Но я действовал достаточно бесшабашно: мол, если вас не устраиваю – пойду обратно в рабочие («не привыкать»!).

Где-то уже в середине 1965 года ко мне, журналисту, обратились несколько работников того самого Завода по обработке цветных металлов, на котором я в свое время работал. Они сказали: «Андрей, ты ведь знаешь, какие у нас на заводе злоупотребления и самодурство позволяет себе директор Маленок (это фамилия). Мы готовы выступить против него с открытым забралом, если Ты наше письмо в газете напечатаешь». Я помог им написать это письмо под названием, если не ошибаюсь, «Мы обвиняем директора завода!», заручился согласием своего начальства его напечатать, как вдруг один из «подписантов» (насколько помню, рабочий, член горкома партии) струхнул и сообщил об этом письме партийной инстанции, Кажется, из райкома позвонили главному редактору, в результате чего письмо пошло не на газетную полосу, а... на завод к директору!

Вернувшись из командировки и узнав об этом, я «взбесился» и написал резкую докладную: мол, что авторов письма выдали директору завода на расправу (всех их потом выдавили с завода) и если письмо не будет напечатано, то я вынужден буду подать заявление об уходе из редакции «по собственному желанию».

Таких демаршей не терпят. Кто-то наверху сказал: «Это еще что за «политика ультиматумов!»». Я был немедленно разжалован обратно в литсотрудники (спецкор), а к заведованию отделом вернулся занимавший эту должность много лет до меня опытный журналист, знаток, ленинградской промышленности, но с нежелательным «пятым пунктом». Рассудили, небось: уж лучше покладистый еврей, чем строптивый русский.

Авторы письма (и я с ними) отправили послание в Москву (не помню, в какую инстанцию). Приехавшая комиссия подтвердила изложенные в письме факты, директор завода получил партийный выговор и, кажется, не получил очередного ордена. Ну, о судьбе авторов письма я уже говорил)

Я помню Ваш интерес к моим контактам с диссидентами. В «Ленинградской правде» мне довелось писать о публичной реабилитации «буржуазной лженауки» генетики и. состоявшемся, наконец, низвержении с руководящих постов академика ВАСХНИЛ Т. Лысенко.

В ту пору (середина 60-х) я познакомился с писателем, автором книг об ученых-биологах Марком Поповским. Его очередная книга была посвящена знаменитому генетику, академику Николаю Вавилову, арестованному в конце 30-х гг. и погибшему в тюрьме. Вот Марк был настоящим, хоть и не афишировавшим себя в этом качестве, диссидентом. (Десять лет спустя он эмигрировал в США, где стал работать на радиостанции «Голос Америки»).

Мы подружились с М. Поповским. Именно благодаря ему, я впервые приобщился к миру сам- и тамиздата. Если не ошибаюсь, знакомство с этой литературой началось с письма Ф. Раскольникову И. Сталину, «Крутого маршрута» Л. Гинзбург» и «Все течет» В. Гроссмана.

Однако был какой-то – достаточно длительный - период, когда прорастающее во мне инакомыслие как-то уживалось с идеологической ортодоксальностью. От полного «прозрения» в отношении общества, в котором мы тогда жили, я был еще очень далек. Что касается диссидентов, то они вызывали у меня скорее нравственное, чем идейное сочувствие. Сам я продолжал считать, что партия должна преодолеть и выправить все эти сталинские «искривления» и «извращения». Пусть даже «развернутое строительство коммунизма» всего лишь казенный штамп, но к коммунизму мы рано или поздно все-таки придем. «Через тернии к звездам»!

Такое самоуговаривание, конечно, было лишь формой «двоемыслия» и способом как-то сохранить целостность личности, раздираемой противоречиями. Думаю, что действовал также инстинкт самосохранения. Я и много лет спустя, в пору политических преследований «социолога-рабочего» (80-е гг.) не считал себя диссидентом, хоть уже и не сохранял никаких социальных иллюзий.

Росла неудовлетворенность журналистской деятельностью: все больше ограничений на серьезную критику, на постановку острых проблем. Короче, журналистика, какой она была в те годы, все больше отвращала от себя. К тому же стал задумываться о природе и месте прессы в жизни общества. Это уже были зачатки интереса к социологии.

Случайно встретились с товарищем по Университету Валентином Соколовым, который к этому времени успел постажироваться во Франции, защитить диссертацию и стать доцентом факультета журналистики ЛГУ, и тот надоумил поступать в аспирантуру этого факультета.

Осенью 1965 г. я сумел поступить в аспирантуру. (Мой «абитуриентский» реферат назывался: «Пресса и общественное мнение»). Так закончилась журналистская карьера. Она продолжалась 9 лет (с 1956 по 1965 г), с перерывом на «хождение в народ» около 3-х лет.

6. Читайте «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»»4.)

К собственной жизни этого периода, как к предмету социологических наблюдений и рефлексий, я обращался не раз: и в уже упоминавшейся книге [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»](#) (2003-2005), и особенно – в недавней книге [«Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»» \(2012\)](#), существующей, впрочем, только в виде электронного издания.

В обеих названных книгах все то, о чем я Вам сейчас рассказывал, отражено в документах: дневниках, письмах, продуктах журналистского творчества, деловых документах.

Я, пожалуй, вынесу соответствующие фрагменты названных книг в отдельные файлы и **приложу к настоящему интервью**, Читайте! Особенно как историк, Вы не соскучитесь.

(1) Из «Драматической социологии...» извлеку:

= Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник (интервью 1997)

= «Дурной шестидесятник»: нет, не вспоминаю, а документально свидетельствую (тексты рубежа 50-х – 60-х гг.).

= Первый «эксперимент на себе» (работа на Заводе по обработке цветных металлов в 1961 г.)

= Как меня учили (очерк о работе на Волховском алюминиевом заводе в 1964 г.)

= Памяти друга (воспоминание о Гурии Забелкине)

= Загадка собственного «я» (о знакомстве с крамольной литературой)

И еще: в 1997 г. мне довелось писать семейную хронику под названием [«Короткая моя память...»](#). Пара глав там посвящена именно этому периоду моей жизни. Приложу и их.

(2) Наиболее подробно период моей журналистской карьеры 50-х - 60-х гг. освещен в «Неопубликованных главах...».

Соответствующие разделы этой книги называются:

= Глава 8. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957-1963)

= Глава 9. ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965)

(3) Для адекватного восприятия начала и первых 10 лет профессионального пути (в качестве журналиста) – в контексте последующего жизненного и профессионального пути (в качестве социолога, что стало основной профессией А. Алексеева) представляется уместным приложить к настоящему интервью по крайней мере два материала, касающихся главного авторского профессионального (в известном смысле – также и жизненного) «проекта» - ЭКСПЕРИМЕНТА СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (1980-е гг.).

Наиболее релевантным этой задаче представляются:

= доклад историка М. Седуновой (1998);

= доклад социолога А. Алексеева (2007)

Первый вошел в уже упоминавшуюся книгу «Драматическая социология...», второй - в книгу А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...» (2010)..

(4) Еще один файл – материалы андерграундного экспертно прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (представленные в книге «Драматическая социология...»)

А теперь, давайте приостановимся и подумаем, как нам продолжать беседу дальше. Дело в том, что, как я, кажется, Вам уже сообщал, мне дважды приходилось давать развернутые интервью (биографические по преимуществу) моему коллеге, социологу Борису Докторову. В основном они касались «социологического этапа» моей биографии (хотя бывали там и экскурсы в 40-е – 60-е гг.). Уж не говорю об автобиографических, в известном смысле, книгах «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003-2005) и (в соавторстве с Р.И. Ленчовским) «Профессия – социолог...» (2010).

Дальше мне пришлось бы, так или иначе, пересказывать то, что уже написано и издано. Что, пожалуй, мне не интересно.

(Есть еще один «автобиографический источник: моя работа «Корни и ветви», включающая семейную хронику «Коротка моя память...»: опубликовано в журнале «Семь искусств». Там тоже, сугубо фактографически, освещается период жизни автора 50-х – 60-х гг.)

А что если сузить тему и ограничиться – в рамках вашего проекта о «траекториях индивидуальной (профессиональной) мобильности» - именно этим журналистским периодом, имеющим начало, конец и определенную логику развития?

Например, интересна своего рода «цикличность» моей биографии в то время: хоть в «Волжском комсомольце», хоть в «Смене», хоть в «Ленинградской правде» - я начинал настолько резво, что быстро выростал до каких-то «чинов». А затем карьера круто обрывалась – либо переездом в другой город, либо «хождением в народ», либо «хождением в науку». (Это к вопросу о «социальных лифтах»).

Где тут социально-типическое, а где индивидуальное, личностное? Где приметы времени и где черты характера? «Эпоху не выбирают», но в рамках собственной жизни человек постоянно делает свой выбор «в предлагаемых обстоятельствах». Тут не один грант можно выполнить, не одну диссертацию защитить.

Но это так, попутная ремарка.

Я предлагаю Вам теперь: не спрашивать меня – а что было дальше. Дальше была жизнь, причем всякая, «в клеточку» и «в полосочку». А ознакомившись со всем, что я Вам ныне посылаю, подумать над целевыми и концептуальными вопросами, в духе тех, что задавал мне Б. Докторов в интервью 2006 и 2013 гг.

(Тексты этих интервью я не прилагаю, поскольку в основном их темы посвящены уже позднему периоду - от конца 60-х и до наших дней. Но, при желании, Вы их легко найдете в интернете, по адресу: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>).

Ну как, принимаете ли Вы мое предложение:

А. Об ограничении исследуемого временного периода (жизни и истории);

Б. Об освоении материалов, которые я прилагаю к этому нашему с Вами интервью;

В. О переходе от хронографического к тематическому принципу построения беседы?

Ваш - Андрей Алексеев. 17-19.06.2014.

Приложения:

1. Извлечения из книги «Драматическая социология...»

Извлечения из очерка «Коротка моя память...»

2. Извлечения из книги «Из неопубликованных глав «Драматической социологии»»

3. Извлечения из книг «Драматическая социология...» и «Профессия – социолог...» (Об «эксперименте социолога-рабочего»)

4. Извлечения из книги «Драматическая социология...» («Ожидали ли перемен?»)

7. О «независимых ассоциациях» советского времени

Добрый вечер, Андрей Николаевич! Да, пересказ всей Вашей биографии, действительно, занял бы слишком много времени. Не хочется повторяться, поскольку довольно развёрнутое биографическое интервью Вы уже давали 2-ну Докторову... Я, кстати, ознакомилась с ним... Давайте, может быть, ближе к нашей теме? Расскажите, пожалуйста, когда и как Вы попали в НКО? Каковы были причины Вашего интереса к «третьему сектору»?

- Понятие НКО, как мне уже приходилось замечать, возникло не раньше, чем четверть века назад. Так называемый «третий сектор» - это и НКО, и НГО, то есть НЕ коммерческие и НЕ государственные организации, потому и ТРЕТИЙ сектор.

В тоталитарном обществе, в котором мне довелось прожить большую часть жизни, никакого третьего сектора быть не могло, а были так называемые ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, чья деятельность разворачивалась под эгидой Партии и Государства, а некоторые – так даже и обозначались как «приводные ремни» от партии к массам, например, профсоюзы.

Принадлежность граждан к такого рода «общественным организациям» была практически всеобщей (начиная с пионерской для младших школьников). Все они строились на принципах «демократического централизма» и характеризовались большей или меньшей степенью бюрократизированности. Понятно, не в них надо искать предтечи и прообразы большинства современных НКО, хоть обобщенное название последних и похоже: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

В какой-то мере предшественниками НКО и НГО при советской власти являлись АРТЕЛИ шабашников, с одной стороны, и независимые СООБЩЕСТВА, с другой. Те и другие были САМОДЕЯТЕЛЬНЫМИ, т.е. действительно, а не декларативно ДОБРОВОЛЬНЫМИ. Первые, как правило, имели в своей основе также и материальный интерес, и если не поощрялись, то, как правило, и не преследовались, если не перерастали в «теневую» (противозаконную) экономику.

(Интересно, что некоторые принципы таких «артелей» заимствовались и «конвертировались» в официальных производственных структурах, например, в бригадной форме организации труда (БФОТ). В них использовались и даже насаждались какие-то элементы хозрасчета. В общем, это было низовое звено хозяйственного механизма.

Ясно, что говорить о безусловной добровольности такого рода объединений в рамках производственных структур не приходится, хотя инициатива коллективного (бригадного) подряда, в отличие от индивидуальной сдельщины или повременщины, иногда и исходила от самих работников.

Другая общественная форма, которая в наибольшей степени может претендовать на роль предтечи или прообраза современных НКО, - это так называемые НЕЗАВИСИМЫЕ АССОЦИАЦИИ. Они возникали спонтанно, как правило, на базе общих и не материальных интересов, ни к каким официальным структурам не «прислонялись», были по преимуществу АНДЕРГРАУНДНЫМИ, этакими «корни травы».

У них не было (тогда) устоявшегося общего обозначения (это уже после их стали так называть). «Стержневые» интересы участников таких «негласных» объединений (групп) могли относиться практически к любым аспектам социальной жизни (скажем так: все цвета общественного спектра или палитры).

Термин «независимые ассоциации» (НА) употребляют, в частности, мои мемориальские коллеги – москвич Геннадий Кузовкин и петербуржец Лев Крыленков (как историк «Мемориала», Вы с ними, вероятно, знакомы). Они являются создателями уникальной базы данных (БД) о независимых сообществах, возникавших в период с 1953 по 1991 год на территории СССР. Эта база данных, собранная из самых разнообразных источников, включает на сегодня около 1 тыс. таких ассоциаций.

Критерии выделения независимых сообществ, как таковых, насколько я понимаю создателей БД НА, таковы: а) коллективная деятельность б) деятельность систематическая (в этом смысле не спонтанная, хотя само по себе возникновение НА, разумеется, спонтанно); в) деятельность не санкционированная властями; г) деятельность, этими властями, как правило, преследуемая и пресекаемая. Все четыре признака должны присутствовать, чтобы можно было говорить о «независимом сообществе», или об «альтернативной общественной организации».

К этим, извлеченным из работы коллег критериям я бы добавил еще один: д) саморефлексия независимого сообщества, именно как такового. Этот критерий авторами, похоже, применяется, но не заявляется.

Г. Кузовкин, ознакомившись с этой моей интерпретацией их труда, заметил: «Разумеется, мы стремились соблюдать перечисленные Вами критерии. В Вашем перечне критериев, думается, несколько резче изложена реакция власти, она иногда была не такой активной, например, имелись и пассивные формы: игнорирование, отсутствие поощрения...».

Авторы выделяют следующие «глобальные» направления деятельности НА: Национальное, Религиозное, Культурное, Политическое, Иное. (Это так сказать, «верхний этаж» классификации). Не буду дальше углубляться в детали и подразделения.

Понятно, что такой «классификационной сеткой» охватываются и самодеятельные рок-группы, и религиозные кружки, и подпольные школы боевых единоборств (при советской власти запрещенные), и редакции самиздатских журналов и т. д., и т. п.

Случилось так, что мне довелось участвовать и даже быть отчасти организатором (в 1970- гг.) как самодеятельной «артели шабашников» (нет, не строителей или лесорубов, а в сфере науки и культуры), а именно: группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества (ЛО ВТО), так и андерграундной компании друзей и коллег, решивших провести самодеятельное («не санкционированное», как потом это квалифицировалось) экспертно-прогностическое исследование на тему «Ожидаете ли Вы перемен?».

Я могу рассказать подробнее о той и другой. Но сначала мне хотелось бы знать, насколько приемлема для Вас предложенная мною концептуальная схема «предыстории» современных НКО (НГО). (29.06.2014).

- Относительно Вашего экскурса в историю НКО. Знаете, мне интересно то, как Вы рассматриваете понятие «НКО», дайте их классификацию... Мне как историку хотелось бы, конечно, более углубиться в исторические аспекты развития общественных организаций в нашей стране.

Некоторое время назад, я обращалась (да и сейчас, параллельно, продолжаю накапливать материал по теме развития гражданского общества и общественных организаций в России) к таким авторам как: Туманова А.С. Общественные организации имперской России: современное прочтение исторического опыта формирования гражданского общества // URL: <http://rushkolnik.ru/docs/151/index-357300.html>; Макшаева Е.Н. Дореволюционный этап становления гражданского общества в России // Язык. Культура. Общество: Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе», Саранск, 26.09.-31.10.2011 г. // URL: <http://yazik.info/2011-40.php>, - и другим авторам, которые «ведут» историю развития отечественных общественных организаций

чуть ли не со времени образования древнерусского государства. Однако, как Вы уже заметили, общественные организации общественным организациям – рознь. И с этим я согласна.

По моему мнению, в широком смысле слова «общественная организация» - это форма общественной активности, и существовать она может по-разному: и в оппозиции правительству, а может, и поощряясь им...

8. «Социология и театр» (1970-е)

...Если вернуться к нашему проекту... то, мне интересна Ваша общественная активность, и неважно, связано ли это с «артелью шабашников», или с «независимой ассоциацией». Пожалуйста, расскажите подробнее о группе «Социология и театр» и о том социологическом исследовании «Ожидаете ли Вы перемен?»

- Вообще-то. как я сейчас сообразил, история обоих этих исследовательских предприятий тоже уже подробно описаны, если не мною, то коллегами. Поэтому адресую Вас к этим описаниям (ссылки – см. ниже), Здесь же ограничусь некоторыми «соображениями по поводу», в связи с Вашей темой.

Начну с нашей питерской «социолого-театроведческой артели». Знаете, она просуществовала лет этак 15 – с начала 1970-х до конца 1980-х. Это была компания научных работников из двух разных, прежде мало соприкасавшихся областей: театроведение и социология. У истоков этого самодеятельного образования стояли ленинградский театровед Виталий Дмитриевский и я, социолог. Виталий интересовался социальным бытованием театрального искусства, взаимоотношениями театра и зрителя, «публикой театра». В сферу моих интересов входили социальная природа и роль в жизни общества таких социальных институтов как массовая коммуникация и искусство. Кроме того, меня очень занимали вопросы применения строгих методов в гуманитарных исследованиях.

Однако, удержусь от обсуждения собственно научных, профессиональных сюжетов. Речь об общественной активности. А она состояла в привлечении Виталием и мною своих друзей и коллег (социологов и театроведов) в «межпрофессиональную» группу «СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР», получившую статус хоздоговорной (деталей оформления уже не помню) при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества (ЛО ВТО).

Чем мы занимались? Социолого-театроведческая (культурологическая) экспертиза текущего репертуара драматических театров Ленинграда (с привлечением, на общественных началах, членов секции театральных критиков ЛО ВТО). Социологический опрос ленинградской молодежи на предмет ее приобщенности к театру и зрительских и культурных предпочтений. Опросы публики непосредственно в театре - в антрактах и по окончании театральных спектаклей, с последующим анализом отношения зрителей к театру вообще, к данному, конкретному театру и к данному спектаклю. Уже в 80-х гг. - исследование «театрального сознания», через интервьюирование главных режиссеров, членов художественных советов, актеров ленинградских драматических театров... Все это вместе определялось нами как «комплексное исследование театральной жизни».

В сущности, эта компания «артельщиков» из 5-6 чел. работала как полноценный сектор или лаборатория академического института, если судить по результатам (не говоря уж об общественном резонансе в театральных кругах и т. п.). Издавали ротапринтные сборники и коллективные монографии (названия монографий: «Театр и молодежь» и «Зритель в театре»). Проводили всесоюзные конференции... Группа «Социология и театр» стала «легендой» настолько, что 30 лет спустя Институт искусствознания в Москве (с которым мы, кстати сказать, и тогда сотрудничали) взялся ПЕРЕИЗДАВАТЬ труды

группы, как «классические». (См.: *Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960-1970-х гг.* / Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. М.: Государственный институт искусствознания; Канон-плюс, 2013).

Достаточно подробно «институциональная» история группы «Социология и театр» освещена в статье одного из ее членов, социолога Олега Божкова, опубликованной в питерском журнале социологических и маркетинговых исследований [«Телескоп» \(2008, № 6\)](#). Описана эта история также в биографическом интервью моего друга и коллеги В.Н. Дмитриевского, возглавлявшего группу в 70-х гг. (он теперь живет в Москве). Это интервью вошло в состав он-лайн книги социолога и историка социологии (тоже, кстати сказать, члена этой группы) Бориса Докторова [«Биографические интервью с коллегами-социологами»](#). Могу отослать также к главе 4 [тома 1 своей он-лайн книги «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...» \(2012\)](#)

Что характерно для данного коллектива, если рассматривать его как предтечу НКО? Творческая инициатива; добровольность объединения; самоорганизация; договор с ЛО ВТО со сметой, как прообраз гранта (надо сказать, что оплата труда членов группы составляла едва ли четверть ставки научного сотрудника академического института); профессиональная продуктивность.

Заметим, что это случай вполне легальной, САНКЦИОНИРОВАННОЙ деятельности. Для данной сферы (общественная наука) это было в ту пору в новинку, но уже к концу 80-х такая практика получила определенное распространение под названием «временный научный коллектив».

9. «Ожидаете ли Вы перемен?» (конец 1970-х)

Теперь обратимся к другому типу «прообразов» НКО – АНДЕРГРАУНДНОЕ объединение.

Ныне уже 30-летней давности независимый (от властей и институтов общественной науки) опрос представителей научной и творческой интеллигенции, согласившихся выступить в роли экспертов относительно актуального состояния, и перспектив развития советского общества, проведенный своего рода «незримым колледжем», наиболее полно освещен в моей книге [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» \(2003-2005\)](#). (См.: том 2, глава 1: том 4, глава 25).

Мною в свое время были отобраны из этой книги куски, так или иначе посвященные данному исследованию, и составлена достаточно удобная для восприятия документальная композиция, отражающая историю, содержание, результаты, а также некоторые привходящие обстоятельства этой работы. Сейчас я прилагаю эту композицию к нашей беседе (см. Приложение 4)

В нашем «незримом колледже» (тут *незримый* - и в переносном, и в прямом смысле), возникшем вокруг идеи экспертно-прогностического исследования «ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?», в конце 1970-х гг. было 5-6 чел. Из, наверное, известных Вам имен упомяну московского историка Михаила Гефтера (ныне покойного) и экономиста, впоследствии народного депутата РФ Виктор Шейниса (незадолго до этого переехавшего из Ленинграда в Москву). Среди участников был также ленинградский писатель и киносценарист Анатолий Соснин (на квартире которого на Миллионной ул, тогда – ул. Халтурина, происходили «заседания» нашего кружка, в дни приезда М. Г. и / или В. Ш. в Ленинград). Еще членом этой группы были Нина Шустрова (экономист, ученица В. Шейниса) и я – единственный социолог, искушенный в практике экспертных опросов. Отчасти в силу этого последнего обстоятельства, я был назначен / избран коллегами «ученым секретарем», ведущим все «делопроизводство».

О характере этой затеи можно судить хотя бы по преамбуле к анкете (теперь сказали бы – гайд, или сценарий интервью), которую (преамбулу) здесь воспроизведу полностью:

«Уважаемый друг, товарищ, коллега!

Перед Вами план беседы с вопросами, которые нам хотелось бы, с Вашего разрешения, задать Вам и которые, возможно, Вы не раз задавали себе и сами. Мы постарались сформулировать их с той степенью определенности, которая оказалась нам доступна. Однако хорошо понимаем, что эти вопросы способны скорее подтолкнуть к дальнейшему раздумью, чем вызвать законченные, готовые ответы. К такому раздумью вслух Вас и приглашаем.

Недостаток возможностей откровенного и делового, коллективного обсуждения этих (и иных, не поддающихся удовлетворительному формулированию) вопросов побуждает обратиться к, казалось бы, противоестественному приему заочной «мозговой атаки». Рассчитываем на понимание наших затруднений.

Рекомендуем Вам сначала внимательно ознакомиться с планом беседы, чтобы определить свое отношение к настоящей работе. Если согласитесь, Ваши ответы — импровизированные или заранее обдуманые — будут записаны интервьюером. Можно изложить свои соображения и письменно (по возможности, придерживаясь логики, заданной планом беседы). В таком случае интервьюер перепишет Ваш текст, с тем чтобы оригинал остался у Вас.

Если захотите, мы тем же путем сообщим Вам о совокупных результатах этой «мозговой атаки». К сожалению, не сможем только назвать имен остальных ее участников, так же как и Ваше имя останется известным лишь интервьюеру.

Итак, объяснив мотивы, цели и процедуру, приглашаем Вас к беседе и раздумью над нижеследующими откровенными вопросами».

План беседы включал 5 разделов:

I. Общая тенденция развития и мера устойчивости («данного», то есть советского общества);

II. Перспектива: взгляд «изнутри»

III. Мировой контекст

IV. «Человеческий фактор» перемен: за и против

V. Время и ход перемен

Всего там было 23 вопроса. Первый из них звучал так:

«1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10–15 лет:

— считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем?»

Анкета заканчивалась словами:

«Благодарим за внимание и добрую волю, даже если Вы сочтете эти вопросы слишком трудными или неприемлемыми».

При желании Вы можете ознакомиться с полным текстом этого гайда. (Проще всего кликнуть по гиперссылке: [«Ожидаете ли Вы перемен?»](#)), поскольку я не так давно воспроизвел этот текст в своем блоге на Когита.ру. Но и само название исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» намекало на его «крамольность».

По существу, это был конспиративный экспертный опрос (или проба методики такого опроса) о состоянии, тенденциях и перспективах развития советского общества, что грозило всевозможными карами – как для авторов методики, так и для опрашиваемых, буде информация об этой затее достигнет глаз и / или ушей «Большого брата», то бишь «коипетентных органов»..

Мы успели опросить за пару лет 45 чел, (это были представители питерской и московской интеллигенции), потом дело застопорилось (я ушел работать на завод, коллеги тоже увлеклись другими делами).

45 текстов аккумулировались в моих руках; предполагался если не количественный, то качественный их анализ, с чем тоже дело не клеилось.

Мы успели уже подзабыть об этом нашем «подпольном» предприятии, как «вдруг» в 1983 году у меня на квартире был устроен обыск (разумеется, без объявления действительной цели). А искали-то, как видно, в первую очередь коллекцию ответов на вопросы нашей анкеты, притом что сам текст анкеты гебешники все-таки сумели как-то заполучить.

По счастью, я эти материалы хранил не дома, на «душеспасительной» беседе в «Большом доме» (так в Питере называется аналог московской «Лубянки») заявил, что я их все уничтожил (и в самом деле сжег – все, кроме одного комплекта копий, который перезахоронил получше, так что они дожили до времен перестройки, когда их стало возможно легально издать. (См.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70– 80-х годов). Кн. 1–2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991).

Предметом моей гордости является то обстоятельство, что ни один из моих соавторов и участников опроса не был заподозрен в причастности к этому «не санкционированному» исследованию. А беседы КГБшников с моими знакомыми ничего не давали, поскольку предъявить им было нечего. Анонимность и конспирация у нас оказались, слава Богу, на высоте..

Когда 15 лет спустя (после выхода в свет упомянутого сборника) я вновь вернулся к этим материалам и не только опубликовал их все (в минимальном сокращении), но и проанализировал результаты того экспертного опроса, оказалось, что *свыше четверти опрошенных вполне адекватно предсказали исторический ход событий*, «вычислили» крушение системы «развитого социализма», и даже сумели датировать его рубежом 80-90-х гг.

Что характерно для этого нашего «незримого колледжа», как для предтечи НКО? Опять же: самоорганизация; коллектив друзей и единомышленников; соединение профессионального (научного) и гражданственного интересов; понятно – отсутствие какой бы то ни было материальной заинтересованности. Это, так сказать, всеобщие (ср. с рассмотренным ранее случаем) черты. А специфика? «Не санкционировано» настолько, что понадобилась конспирация; оппозиционная (тогда говорили – «антисоветская») направленность; повлекло за собой политическое преследование и санкции (коснувшиеся, по счастью, только меня одного).

Случай для практики социальных исследований того времени относительно редкий. Идеологический контроль за общественной наукой был настолько силен и тотален, что данный эпизод воспринимался как беспрецедентный (хотя, думаю, это было все же не так).

Ну вот, я рассказал о двух случаях, которые можно рассматривать, как некие прообразы или предтечи современных НКО. В сферах экономики, культуры, политики их можно было встретить, в советские времена, гораздо чаще. Особенность описанных мною примеров состоит в их причастности к сфере общественной науки.

Что касается, общественной активности вообще (безотносительно к формам организации), то здесь можно еще много о чем рассказывать. Но подожду Вашего следующего вопроса. (Июль 2014)

Часть 2

10. Общественная активность советского времени. Комсомольский вожак (1950-е)

<...>

- Ввиду некоторого перерыва в нашей переписке, сейчас затрудняюсь найти Ваше давнее письмо, с очередным вопросом. Помню только, что вопрос был очень коротким и поощрял мое намерение поговорить об «общественной активности», на примере собственной биографии.

Как Вы понимаете, большую часть своей жизни я прожил в условиях такого общественного строя, для которого «независимые артели» и «андерграундные сообщества» были скорее исключением, чем правилом. Однако это не значит, что был «дефицит» общественной, социальной активности. Только активность эта была достаточно жестко регламентирована и «канализована» в «нужном» для действующего режима направлении.

Мало кому удавалось избежать какой бы то ни было **ОБЩЕСТВЕННОЙ НАГРУЗКИ** (интересно, что это был общераспространенный термин). Мало кто оставался «не охваченным» той или иной «общественной организацией». Самыми массовыми были, конечно, профсоюзы (для всех трудящихся), пионерская и комсомольская организации (для соответствующих возрастов), предполагавшие практически «поголовный» охват. Кстати, в партии состояла примерно одна пятая часть взрослого населения страны.

Так вот, общественная активность, канализовалась и разворачивалась в **РАМКАХ** общественных организаций (прежде всего – четырех вышеперечисленных, но и не только).

Здесь уместно уточнить понятие *общественная активность* в данном контексте. Речь идет не о социальной активности вообще, а об определенных ее формах, необходимыми элементами которых (для того времени) являлись: а) организованность (в рамках организации), б) санкционированность (одобрено сверху), в) формальная добровольность, г) формальная бескорыстность. Последние два пункта требуют оговорки. Добровольность порой оказывалась «вынужденной» (например, не члену профсоюза и бюллетень не оплатят), а на определенных этажах социальной иерархии общественная деятельность становится оплачиваемой (так называемые «освобожденные» секретари или председатели, не говоря уж о профессиональных функционерах (начиная от инструкторов райкомов и выше).

Ну, и сама про себе принадлежность например, к партии судила более благополучную карьеру и прочие жизненные выгоды

Пожалуй, стоит ввести еще одно ограничение: к общественной активности (в изложенном смысле) не относятся занятия художественной самодеятельностью, спортом, всевозможные кружки и прочие формы совместной деятельности «по интересам». Общественная активность (в обсуждаемом смысле) всегда была достаточно **ИДЕОЛОГИЗИРОВАНА**, чем отличалась от всяческих «хобби» (будь то спортивная секция или жилищный кооператив).

И еще одна форма «общественной активности», тоже практически поголовная, но имеющая формат не организации, но «движения». Это – так называемое социалистическое соревнование. Как правило, оно было номинальным (со всеми своими сообразительностями, подведениями итогов, присуждением переходящих Красных знамен и т. п.). Однако практически любой труженик оказывался «участником соревнования», зачастую о том даже не подозревая.

Формализм в практике хоть общественных организаций, хоть общественных движений был повсеместным и пронизывал собой всю «общественную жизнь».

Теперь – про себя. Был ли я членом пионерской организации - не помню, хоть пионерский галстук в так называемых пионерлагерях (организованное место летнего

отдых школьников) носил. Но никакой «пионерской активностью» не отличался (1940-е гг.).

В комсомол вступил, кажется, в 9-м классе («Прошу принять... так как хочу быть в передовых рядах советской молодежи» - стандартная формула заявления для вступления). Однако и там никакой «общественной работы» не вел.

Иначе оказалось в Университете, куда поступил в 1950-м году. Поскольку я занимался (еще школьником) в спортивной секции и имел разряд по спортивной гимнастике, меня тут же избрали в курсовое комсомольское бюро (на курсе – человек 250-300), в котором мне достался, разумеется, спортивный сектор. (Еще, насколько помню, во всяком комсомольском бюро полагалось иметь: политсектор, оргсектор, академсектор – вопросы учебы, культсектор и, вот, спортсектор). Не помню, чтобы я организовывал какие-то спортивные мероприятия, зато собирал сведения, как студенты посещают обязательные занятия по физкультуре и спорту и «проводил работу» с прогульщиками.

Вообще, в студенческом сообществе не было «дефицита» общественных «должностей»: в каждой учебной группе (а они бывали и по 20, и по 5-6 человек) – свой комсорг, профорг и староста. Которыми «руководят» соответствующие курсовые комсомольское и профсоюзное (студенческое) бюро. А те - в порядке так называемого демократического централизма - субординированы факультетскому комсомольскому бюро и факультетскому студенческому профкому. А еще выше, «над ними» общеуниверситетские «большой комитет» (комсомола) и «большой студенческий профком».

Будучи неплохо общекультурно подготовлен для филологического факультета (я говорил об этом выше), я был в университете круглым отличником, но, пожалуй, не меньше времени и сил, чем учебе, отдавал этой общественной, комсомольской работе. И, между прочим,, думаю, именно она сподвигла меня стать не «книжным червем» и полиглотом, а окончить, параллельно со славянским, отделение журналистики, коль скоро представилась такая возможность.

В области же «общественной активности» я шагал вверх по ступеням, от курса к курсу: зам. секретаря курсового комсомольского бюро - секретарь комсомольского бюро курса - оргсектор факультетского комсомольского бюро (ответственный за сбор членских взносов) - зам. секретаря факультетского комсомольского бюро и, наконец, секретарь комсомольского бюро факультета. А это уже – «номенклатура» райкома комсомола, и даже зарплата какую-то там платят (немногим больше студенческой стипендии).

Как я сейчас могу с уверенностью утверждать, общественный смысл всей этой «общественной активности» был в лучшем случае нулевой, если не отрицательная величина. Но тогда казалось все очень важным, способствующим задачам «коммунистического воспитания». Еще немного, и я мог бы стать комсомольским функционером (как, кстати, некоторые, впоследствии знаменитые мои нынешние коллеги-социологи, отдавшие этой деятельности по несколько лет своей жизни).

Итак, правверный комсомолец и общественный активист - так можно определить мое общественное лицо в первой половине 1950-х гг.

Была в ту пору еще одна форма общественной активности, вполне удовлетворяющая выдвинутым выше критериям. Это летние студенческие стройки – предтечи будущих стройотрядов. Отличаем от позднейших строительных отрядов, а также отрядов, выезжавших для сезонных работ на целинные земли, было отсутствие оплаты. Это рассматривалось как высшее проявление комсомольской сознательности и патриотический долг. В самом начале 1950-х строили малые, колхозные ГЭС, потом перешли на сооружение коровников и свинарников в колхозах Ленинградской области.

Юноши на ходу овладевали азами плотницкого и каменщицкого дела. Девушки в основном были землекопами и подсобниками. Где-то на третьем-четвертом курсе мне

довелось побывать «начальником стройки». В основном это были комиссарские функции, за стройку отвечал не студенческий предводитель, а прораб.

Вот такова была моя общественная активность в студенческие годы.

Переход в журналистику во второй половине 50-х гг. из этой общественной стези был органичным и естественным. Только это была уже «работа», а не общественная деятельность.

Ну, про свою журналистскую молодость я уже говорил. В качестве корреспондента я был настолько «активен», что довольно быстро вырос до заведующего отделом комсомольской жизни (в молодежной газете). Пока не «ушел в рабочие», впрочем, чтобы через три года вернуться к штатной журналистской работе.

Освещение «комсомольской жизни» на страницах молодежной прессы как-то переплеталось с собственно комсомольской активностью. Помню, после пары статей о работе аппарата одного из райкомов комсомола меня избрали в члены бюро этого самого райкома («Лениздат» и редакция газеты «Смена» размещались в этом самом районе). Впрочем, моя деятельность в этом качестве свелась к участию в заседаниях бюро и в изобретении хитроумных вопросов для вступающих в комсомол в ходе этих заседаний.

Работая на Заводе по обработке цветных металлов вальцовщиком, помню, вел занятия кружка политпросвещения. Впоследствии, работая на производстве, всячески избегал такого рода общественных нагрузок, что иногда было не просто.

11. Партийный секретарь (середина 1970-х)

Следующий этап – общественная активность в качестве члена КПСС. Зачем вступал и как (1961) - рассказывал выше.

Поначалу я был вполне себе «рядовым» членом партии, бывали какие-то эпизодические партийные нагрузки, вполне умеренная «организованная» и «санкционированная» общественная активность. Оговорю, что к действительной общественной позиции и формам инакодействия (какового у Вашего собеседника было немало уже тогда) такая «активность» отношения не имеет.

Коротко – биографическая рамка. Расставшись с «Ленинградской правдой» в середине 1960-х, я, как уже говорил, поступил в аспирантуру факультета журналистики Ленинградского университета, где писал, в сущности, социологическую диссертацию на материале теоретических и эмпирических исследований в области массовой коммуникации, что приходило в противоречие с канонами «марксистско-ленинского учения о печати», составлявшего ядро «науки о журналистике».

Диссертацию эту мне довелось защищать уже в Новосибирском академгородке, куда уехал в 1968 году. Там я трудился (и даже короткое время возглавлял) исследовательскую группу социологии печати при Новосибирском университете, созданную В.Э. Шляпентохом. Эта группа была замечательна тем, что занималась первыми в стране всесоюзными опросами аудитории центральной печати («Известия», «Правда»). В 1970-м я вернулся в Ленинград уже кандидатом философских наук, Здесь я продолжал свою профессиональную, теперь уже научную карьеру, описание которой выходит за рамки нашей темы. (Подробно см. в биографическом интервью, которое я давал Б. Докторову: [«Рыба ищет, где глубже, а человек – где не так мелко...»](#) (2006)).

Моя социальная активность в ту пору, пожалуй, находила выход в собственно профессиональной сфере: например, организация всесоюзных семинаров по проблемам контент-анализа в Новосибирске, потом в Ленинграде. (Контент-анализ, одним из пионеров применения которого в отечественной социологии, я был, – это исследование массовых совокупностей текстов, с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур, в социологических целях).

Мне посчастливилось близко сотрудничать с отцами-основателями и первопроходцами отечественной послевоенной социологии: А.Г. Харчевым, О.И. Шкаратаном, В.А. Ядовым (в ту пору жившими в Ленинграде)..

К середине 1970-х я оказался, если не ошибаюсь, партгруппоргом ленинградских секторов Института социологии АН СССР, в которых тогда работал. Но партийное руководство было в Москве, и от меня если что и требовалось, то лишь периодические отчеты о «проделанной работе».

И вдруг – крутой жизненный поворот. В 1975 году в Ленинграде образовался новый обществоведческий институт – Институт социально-экономических проблем АН СССР, составленный из полудюжины относительно мелких научных подразделений (филиалов, секторов, лабораторий), ранее относившихся к центральным (московским) академическим институтам, а теперь – собранных под одну, ленинградскую крышу, по принципу территориальной принадлежности. (С 1 апреля 1975 г. все сотрудники ленинградских отделений Института социологии, Института экономики, Экономико-математического института, Института философии и проч. были переведены в новообразованный ИСЭП АН СССР)

Было выделено специальное здание на улице Воинова (ныне – Шпалерная), недалеко от Смольного. В нем собраны: экономисты, социологи, математики плюс еще большой электронно-вычислительный центр, с машинным залом, на ул. Чайковского – напротив Летнего сада (это когда еще никаких персональных компьютеров не было и не предвиделось).

В таком институте партийная организация должна была составить около сотни человек, что для академического института очень немало. В поисках кандидатуры секретаря партийной организации для института местные партийные органы почему-то остановились на моей персоне, Вероятно, я подходил по каким-то анкетным данным, а небесконфликтным журналистским («Ленинградская правда») и аспирантским (факультет журналистики ЛГУ) прошлым не поинтересовались. Хотя я и пытался, уклониться от предложенной чести, не получилось («партийная дисциплина»!).

Помнится, я поначалу чувствовал себя очень «не в своей тарелке». Но потом как-то освоился (перефразировав известную поговорку «Не в свои сани не садись» в: «Посадили в сани – не говори, что не твои»).

Высокие партийное и академическое постановления детально расписывали структуру нового института и штатное расписание, но никак не его фактическую миссию и статус (если не считать – негласно - что это должен быть «придворный» академический институт Смольного, т. е. обкома и горкома КПСС), Решение проблем «упаковки» сотрудников в эту структуру, разработки научной концепции института (под конъюнктурно заданные научные направления), выработки условий и порядка проведения конкурса на замещение научных должностей и т. д., и т. п. - всем этим пришлось заниматься назначенному директору (доктор экономических наук Г. Н. Черкасов, ныне покойный) и... новоиспеченному партийному бюрократу, в лице Вашего собеседника.

На удивление, получилось - завоевать симпатии и авторитет в коллективе, где хорошо знакомых социологов было не так уж много - всего несколько десятков человек. Думаю, своего рода «харизма» проистекала из скрупулезно проводившейся партийным секретарем установки на открытость и гласность, что в «коридорах власти» (партийной особенно) было не принято, но сверху стало вызывать нарекания не сразу.

Тут возникали и требовали разрешения всяческие головоломные проблемы, вроде защиты лидера ленинградских социологов В.А. Ядова от обвинений в «слабости идейно-воспитательной работы» (трое его молодых сотрудников незадолго до образования нового института подали заявления о выезде на постоянное место жительства за рубеж). Как при этом противостоять давлению горкома, потребовавшего чтобы Ядов был смещен с должности зав. социологическим отделом - это надо было сообразить.

(Вся эта история подробно описана в моем интервью 1990 года, данном одному из тогдашних «отъезжантов» Дмитрию Шалину, к тому времени уже профессору Университета штата Невада в США, когда тот, 15 лет спустя после упомянутых событий приехал, на родину, чтобы встретиться, в частности, с бывшими сослуживцами и учителем, которого своей эмиграцией как бы «подвел»).

Вообще, можно сказать, директор Черкасов и партийный секретарь Алексеев вместе как бы выполняли функции директора-организатора. За полгода удалось пройти нелегкий организационный период.

12. Попытка «давления на ЦК нашей партии»

При всех наших достижениях в деле строительства нового института, кончилось мое партийное секретарство внезапно и даже досрочно. Как раз на середину 1975 года пришелся разгром одной из лучших в стране социологических лабораторий Тартуского университета (Эстония), с коллективом которой ленинградских социологов связывали тесные узы профессионального сотрудничества и личной дружбы. Руководитель этой лаборатории Юло Вооглайд был обвинен в семи смертных (политических) грехах и исключен из партии. Его апелляция, уже отклоненная в эстонском ЦК, должна была рассматриваться в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС.

И вот, председателю КПК при ЦК КПСС А.Я. Пельше в июне 1976 секретарем партбюро ИСЭП АН СССР было отправлено нижеследующее письмо:

«Глубокоуважаемый Арвид Янович!

Мне стало известно, что 23.06.1975 решением парткома Тартуского государственного университета, в результате обвинений политического характера исключен из партии старший преподаватель кафедры психологии, научный руководитель лаборатории социологии этого университета, член КПСС с 1958 г. Юло Вооглайд. <...>

Я знаю Ю. Вооглайда с 1965 г. За 10 лет научного сотрудничества и личной дружбы я имел возможность неоднократно убедиться в его преданности делу коммунистического строительства, идейной выдержанности, партийной принципиальности в решении научных и жизненных вопросов, высокой ответственности в отношении к делу и глубокой личной порядочности.

Кратко охарактеризую Ю. Вооглайда как ученого. Он известен как зачинатель социальных исследований в Эстонской ССР, организатор одной из самых продуктивных социологических лабораторий в нашей стране, авторитетный специалист по проблемам массовой информации и пропаганды, социального развития производственных коллективов <...>, быта и досуга трудящихся, социалистического образа жизни. Работу

Ю. Вооглайда характеризует отчетливая научно-практическая направленность. <...> Мне известно, что результаты работы Ю. Вооглайда по изучению партийной печати получили положительную оценку в отделе пропаганды ЦК КПСС.

Незурядность Ю. Вооглайда как специалиста, организатора, педагога не подлежат сомнению. Не случайно, что многие советские социологи так или иначе учились у Ю. Вооглайда, применяют его методики, используют его опыт за пределами Эстонии. Я допускаю мысль, что такие качества Ю. Вооглайда, как увлеченность своим делом, активное вмешательство в жизнь, горячее стремление внедрить результаты исследований в практику <...>, в сочетании с его популярностью, могли дать повод для неправильной оценки его деятельности местными организациями и особо пристрастное отношение к нему.

<...> Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как председателю КПК, это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего, и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию

на 3 года позже Ю. Вооглайда, но я готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.

Копию этого письма я одновременно направляю в ЦК КП Эстонии.

С уважением

А.Н. Алексеев, старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР, член КПСС с 1961 г. 27.06.1975».

Во втором письме в КПК при ЦК КПСС, от 6.09.1975, автор усилил формулировку: «Ручаюсь (за Ю. Вооглайда) своим партийным билетом...».

Некоторое время спустя об этих письмах стало известно в Ленинградском обкоме КПСС. Познакомившись с текстами обоих писем, директор Института схватился за голову: «Что Вы наделали, А. Н.!».

Обком не спешил с оргвыводами – слишком многое было в Институте завязано на партийного секретаря, да и как еще Комитет партийного контроля решит дело... Но Большая часть моего секретарства (продолжавшегося с мая 1975 года по март 1976-го, прошла под «дамокловым мечом» или со «скелетом в шкафу» (с точки зрения партийного начальства).

В начале 1976 г., по истечении срока меньше года работы партийным секретарем, состоялось отчетно-выборное партийное собрание Института, избравшее новое партийное бюро, разумеется, уже без Алексеева. Обошлось без скандала, но в райкоме партии Алексееву «разъяснили», что его защита эстонского коллеги расценена как попытка использовать свое общественное (должностное?) положение для... «оказания давления на ЦК нашей партии» (!!).

Ну, бывший партийный секретарь без общественной нагрузки не остался. Некоторое время спустя, решением нового партбюро, он был введен в состав партийной комиссии по осуществлению права контроля за деятельностью администрации (именно так это называлось). И вообще вся эта история для «неудобного секретаря» тогда обошлась, как говорится, без последствий.

...Ну, а Юло Вооглайд был-таки из партии исключен бесповоротно (хоть и с несколько смягченной формулировкой). Вынужденный расстаться с Тартуским университетом, он переехал в г. Таллинн, где стал работать в Центре НОТ и управления Министерства легкой промышленности Эстонской ССР. В независимой Эстонии он стал потом видным общественным деятелем, депутатом парламента и т. п. Мы с ним и по сей день изредка обмениваемся электронными письмами.

Стоит заметить, что история моего заступничества за коллегу, хоть и протекала в рамках партийной «карьеры», не подпадает под выдвинутое выше определение *общественной активности* (советских времен), поскольку это была активность *не санкционированная* (в отличие от «инакомыслия», я называю это «инакодействием»).

После всех этих событий я чуть было не уехал социологом на строительство Байкало-Амурской магистрали, но дело ограничилось участием в совместном, силами ИСЭПа и Дальневосточного филиала Академии наук АН СССР, исследовании социальной адаптации молодых строителей БАМ (проводившегося под руководством социолога из Благовещенска Владимира Дьяченко).

Интересно, что в ИСЭПе, работая в секторе В.А. Ядова, при проведении панельного (повторного) исследования «Человек и его работа. 1976», Ваш собеседник отвечал как раз за блок теоретических и методических проблем изучения общественной активности (в традиционном смысле). Одна из моих тогдашних работ так и называлась: «О взаимосвязи трудовой и общественной активности рабочих».

А еще я специально занимался проблематикой «социалистического соревнования». И удалось показать, что работники, которых непосредственный начальник (мастер) характеризует как «соревнующихся за коммунистическое отношение к труду», и даже многие из тех, кому присвоено звание «ударника коммунистического труда» об этой своей «общественной активности» вовсе не знают (или не помнят). Формализм и

бессмысленность всего этого идеологического декора повседневного труда были доказаны в полной мере.

Ну, эта моя научно-общественная активность достаточно подробно отражена в томе 1 «Из неопубликованных глав «Драматической социологи»...», раздел 14.5). Отсылаю туда.

Стоит отметить, что вся моя профессиональная и общественная биография - и описанная выше, и после – являла собой нетривиальное сочетание «заурядной» (санкционированной) общественной активности (в рамках комсомола, партии, других общественных организаций советских времен) с неординарными поступками, проявлениями активности если не оппозиционной, то явно «выламывающейся» из рутинного уклада «общественной жизни».

Не будучи сам диссидентом, «инакомыслящим» (в конкретно-историческом смысле этого слова), Ваш собеседник то и дело проявлял то, что я называю «кинокодействием» - своего рода независимое поведение, этакое общественным «своенравием» (пользуясь выражением моего друга, проживающего в г. Вильнюсе, Анри Кетегата)..

13. «Эксперимент социолога-рабочего» и вокруг него (1980-е)

Из Института социально-экономических проблем старший научный сотрудник Алексеев уволился в январе 1980 г. Поступил на ленинградский завод полиграфических машин в качестве рабочего. Демонстративно это мотивировалось исключительно как углубленное исследование, включенное наблюдение процессов производственной жизни. Хотя по сути было также формой эскапизма из забюрократизированной научной структуры.

Итак, начался «эксперимент социолога-рабочего» (изучение производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»). Предполагался этакий натурный эксперимент протяженностью 3-4 года. Однако, в силу ряда «привходящих» обстоятельств, он затянулся на восемь с половиной лет, до середины 1988 г. (Возраст: в год поступления на завод - 45 лет, в год увольнения – 54 года).

Весь этот период жизни Вашего собеседника и «объекта изучения» подробно описан в моем 4-томнике [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»](#) (СПб.: Норма, 2003-2005), поэтому не буду здесь на нем специально останавливаться.

С точки зрения взаимодействия с общественными организациями период был довольно бурный (недаром - «драматическая» социология).

В этот период жизни вошли: обыск на квартире (1983) и официальное предостережение органов государственной безопасности; «скандальное» исключение из партии (1984), а также из ряда других общественных организаций (Союз журналистов СССР, Советская социологическая ассоциация...), по идеологическим (политическим) обвинениям; моя «необходимая оборона» от этих обвинений и своего рода марафон апелляций, обращений в высшие партийные инстанции, вплоть до Съезда КПСС; с началом Перестройки – публикации центральной прессы («Литературная газета», «Огонек»...) в защиту, а потом и «во славу» «экспериментатора на самом себе»; наконец, «триумфальное» восстановление в рядах КПСС в 1988 году, да еще «без перерыва в стаже»; ну, и два года спустя (июль 1990; на заводе к тому времени уже не работал) действительно ДОБРОВОЛЬНЫЙ выход из партии. (чтобы больше уже никогда ни в какие партии не вступать).

Во время работы на заводе я в меру сил уклонялся от каких бы то ни было общественных нагрузок. Своеобразным способом избежать их был инициативный выбор себе минимального общественного поручения – народный дружинник. Раз или два в месяц мужчины являлись на пункт охраны общественного порядка, где получали от

участкового милиционера инструкцию и маршрут, по которому несколько раз в течение одного вечера дружинники проходили компаниями по 3-4 человека, в поисках нарушителей..

Нарушителями общественного порядка были в основном выпивающие в подворотне. Их задерживали и конфисковали бутылку, которую вручали дежурному милиционеру. Бывало, что и сами выпивали в подворотне (за свой счет, и сняв повязки дружинника).

Основным же времяпрепровождением было сидение в пункте ООП и болтовня (этакий «мужской клуб»). Часам к 22 расходились по домам. Общественная работа не столь уж обременительная, да еще к отпуску за нее прибавляют 1-2 дня.

Что касается истории «необходимой обороны» от политических обвинений и т. п., продолжавшейся несколько лет, то это был период самой напряженной «общественной деятельности», разумеется, никем не санкционированной и весьма незаурядной. Вот и опять - своеобразное переплетение рутинной адаптации и «инакодействия» в плане социальной активности.

14. «Прораб Перестройки» (конец 1980-х – начало 1990-х)

С началом Перестройки и дальше наступил этап социальной активности совсем иного рода, включающий в себя участие и / или сотрудничество с «неформальными», самодеятельными объединениями (как они назывались поначалу), далее – с некоммерческими и негосударственными организациями, которые . понятно, представляют для Вас особый интерес. (11.11.2014)

Здравствуйтесь, Лена! Высылаю Вам очередной кусок нашей беседы on line. Заодно вычитал и по мелочи подправил предыдущий текст. Ваш очередной вопрос скорее всего будет касаться сотрудничества Вашего корреспондента собственно с НКО / НГО и форм общественной активности самого последнего времени. Ваш - Андр. Алексеев. 11.11.2014.

- Добрый день!! Да, Андрей Николаевич, мне интересно, как лично Вы воспринимали это время Перестройки? Произошли ли какие-то существенные изменения в Вашем сознании? Как складывалось сотрудничество с общественными организациями? И по какому пути продолжала идти Ваша дальнейшая общественная активность?

С уважением, Елена. (13.11.2014).

- Пожалуй, все же сначала подведу итог рассказанному выше.

Итак, в рамках «советского» периода собственной жизни (а он, понятно, у меня куда продолжительнее «постсоветского») социальная активность Вашего собеседника, развивалась как в рамках традиционных, официальных, санкционированных общественных организации (выше я называл это «общественной активностью»), так и вне их, а также иногда в этих рамках, но НЕОРДИНАРНЫМ образом. Примеры того и другого, и третьего были приведены.

Из официальных общественных структур, кроме КПСС (о которой речь шла выше), довелось состоять (да и сейчас состою) в следующих общественных организациях:

- Союз журналистов СССР (потом – Санкт-Петербургский союз журналистов);
- Советская социологическая ассоциация (потом – Санкт-Петербургская ассоциация социологов);

- Всероссийское театральное общество ((потом – Союз театралных деятелей.

Можно добавить еще: Дом ученых им. А.М. Горького РАН (это современное название, когда вступал назывался как-то иначе). Но в этой последней общественной

организации я, как и большинство ее членов, являюсь практически лишь потребителем-посетителем, а не действующей фигурой).

Во всех названных организациях я состою по 50-40 лет.

Из Союза журналистов СССР и из Советской социологической ассоциации меня в середине 80-х гг. исключали (вслед за исключением из партии), потом, как и в КПСС, восстанавливали, как бы с извинениями (без перерыва в стаже).

Наиболее драматичным было мое членство в Социологической ассоциации, из которой не только исключали и восстанавливали, но и сам я из нее, уже в 2000-х гг., выходил, в потом, через несколько лет, вернулся (то и другое, скажем так, по принципиальным соображениям).

Еще, с этой самой социологической ассоциацией (точнее с ее руководством) мне довелось в середине 1980-х гг. судиться (именно так!). Гражданский иск в защиту чести и достоинства я у секретариата ССА выиграл, что было для 1986 года сенсацией. Вся история моего членства и взаимоотношений с этой общественной организацией подробно описана в томе 3 уже неоднократно упоминавшейся книги [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» \(глава 13\)](#).

Вот теперь, подведя итог своей предшествующей общественной активности (в изложенном выше смысле), а также - «своенравным» действиям в рамках официальных общественных структур, обратимся к некоммерческим / негосударственным организациям, или к участию в организациях «третьего сектора», ведущих свою историю от рубежа 1980-90 х гг.

Был еще недолгий, интересный период, непосредственно предшествовавший моему включению в деятельность НКО и т. п. Это был любопытный для исследователя вроде Вас процесс превращения неконформиста и едва ли не диссидента (каковым, впрочем, себя не считал) в «прораба перестройки», и поначалу – вне каких бы то ни было общественных объединений.

Дело в том, что после того, как я оказался героем публицистических апологий в «Литературной газете» (сентябрь 1987, авт. – Л. Графова), затем в «Огоньке» (май 1988; авт. – А. Головков) – периодических изданиях, являвшихся тогда, как Вы если не помните, то знаете, форпостами борьбы за общественные преобразования, ко мне, стали очень активно обращаться за советом, поддержкой и т. п. такие же, как я «неудобные люди», вольнолюбцы и инакодействующие, для которых моя звезда показалась «путеводной».

Я отвечал на телефонные звонки от незнакомых людей, письма с выражениями солидарности, а иногда криками о помощи; с ленинградцами встречался, с иногородними переписывался, часто употреблял свой благоприобретенный авторитет для поддержки их «борьбы за перестройку». Уж о внутривзаводской популярности (я ведь продолжал работать станочником и слесарем) уж и не говорю).

Это была «неформальная» социальная активность, требовавшая большой самоотдачи, но приносящее удовлетворение, и своим процессом и – иногда – результатами.

В конце 1987 г. меня посетили дома двое или трое гражданских активистов (тогда говорили – «неформалы», сейчас не вспомню всех, среди них - Петр Филиппов, один из основателей клуба межпрофессионального общения «Перестройка», Аналогичный клуб, как Вы, наверное, знаете, тогда же возник и в Москве, наверняка и в других крупных городах. Формально одним из учредителей этого была какая-то официальная общественная организация. Но это лишь ради легитимности. По существу, это было объединение людей (как правило, с высшим образованием, некоторые с ученой степенью, но были и работники физического труда) ставивших перед собой цель содействия делу радикальной и действительной, а не квази-перестройки.

Развитие производственного самоуправления, защита «неудобных людей», самодеятельная, альтернативная пресса, экономическое и политическое просвещение...

Каждому направлению работы отвечала своя секция. Но, пожалуй, главным направлением (формой) деятельности общественно-политического клуба были дискуссии на острые актуальные темы

Среди персональных учредителей и лидеров клуба, кроме Петра Филиппова, были Виктор Монахов, Владимир Рамм, Лев Гольдштейн (редактор машинописного журнала - «печатного органа» клуба - «Перекресток мнений»). Был и один из моих давних друзей и коллег, ныне покойный, Александр Юценко (между прочим, именно благодаря ему удалось сохранить уникальный комплект материалов опроса «Ожидаете ли Вы перемен?»; см. выше).

В деятельность этого клуба я включился со всей охотой и энтузиазмом. Это был мой первый опыт участия в организациях «третьего сектора». Не помню, входил ли я в совет клуба, избиравшийся на общих собраниях. Во всяком случае, был одним из активистов этого клуба. Об истории создания и деятельности клуба «Перестройка» довольно подробно рассказывается в моей книге [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» \(том 3, гл. 19\)](#), в книгах Александра Сунгурова («Этюды политической жизни Петербурга. 1987-1994»)..., Александра Винникова («Цена свободы»).

Наиболее полным и ценным сводом информации об общественных объединениях того времени, является книга «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985-1991» изданная уже в 2009 году.

Между тем, «перестроечные» процессы не обошли стороной и Ленинградский завод полиграфических машин, на котором я продолжал работать. 1988 г. был порой наиболее бурного роста производственного самоуправления, создания советов трудовых коллективов, выборности руководителей производства. Будучи избран в заводской совет трудового коллектива (да и безотносительно к этому) я превратился в своего рода «рабочего лидера», этакое «комиссара перестройки».

Благо, что к тому времени я в совершенстве владел своей профессией – наладчика и оператора координатно-револьверного пресса и принадлежал к «костяку» бригады, в которой состоял, но даже и при этих условиях моя «общественная востребованность» начала входить в противоречие с выполнением основных производственных обязанностей. Кое-как я эту проблему решал.

Итак, завод, общественно-политический клуб, внеклубные общественные контакты. Высокий градус гражданской активности. Помню, одной из моих максим того времени (и даже раньше) стало: «Перемен не надо ждать, их надо делать!». Впоследствии, обзревая этот период жизни, я писал, что мой эксперимент «социолога-рабочего «растворился» в общественных процессах Перестройки.

В июле 1988 г., после 8,5 лет пребывания в статусе рабочего, я расстался с заводом и вернулся к штатной работе в области социологии. Сначала это была Ленинградская высшая профсоюзная школа культуры, а с октября 1989 года вновь образовавшийся Ленинградский филиал Института социологии РАН (результат «исхода» социологов из того самого Института социально-экономических проблем АН СССР, из которого я увольнялся 9 с лишним лет назад).

В ЛВПШК я, хоть и состоял в социологической лаборатории (кажется, она тогда еще сохраняла свое название лаборатории проблем коммунистического воспитания), но в основном занимался общественной деятельностью, только уже не разрываясь между станком и добровольно взятыми на себя общественными обязанностями, как на заводе. Предстояли первые свободные выборы народных депутатов СССР. Как человека, обретшего широкоую известность, меня стали выдвигать кандидатом в депутаты.

Я соглашался с этими выдвижениями, предупреждая, однако, что поближе к выборам сниму свою кандидатуру в пользу А.Д. Сахарова. Становиться политическим деятелем я вовсе не собирался и регистрацию в качестве кандидата проходить не стал

(признаться, подробностей не помню, хоть и сохранился у меня с тех пор текст своей предвыборной программы).

Но вот чем я всерьез занялся – это поддержкой некоторых кандидатов в народные депутаты, в качестве доверенного лица. Первым был молодой инженер Юрий Болдырев, являвшийся тогда одним из самых ярких выдвиженцев демократической общественности Ленинграда. Вопреки всем ухищрениям партийно-советского аппарата Московского района, Ю. Болдырев выиграл эти выборы у первого секретаря Ленинградского горкома КПСС Герасимова. На этих выборах тогда (1989) «пролетела» и вся партийная верхушка города, в том числе первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Соловьев.

Тогда же, кажется, во втором туре выборов, я выступал в роли доверенного лица писателя и главного редактора журнала «Нева» Бориса Никольского, тоже успешно. Потерпел неудачу на выборах, уже депутатов РСФСР, научный сотрудник Михаил Толстой, одним из доверенных лиц которого я был. (Правда, он стал депутатом позднее).

Доверенные лица обычно занимались агитацией в пользу своего кандидата. У меня была другая «специализация»: я отслеживал многочисленные нарушения в работе избирательных комиссий (относившиеся почти исключительно к демократическим кандидатам) и писал официальные жалобы и протесты. Это получалось у меня довольно ловко.

Интересно, что по совокупности моей активности в самодеятельных организациях, на выборах и т. д. работники партийного аппарата города держали меня за одного и лидеров «неформалов». Так что журналист из Агентства печати «Новости», даже озаглавил посвященную мне статью в журнале, предназначенном для распространения за рубежом: «Человек, которого ленинградские бюрократы боятся больше, чем Горбачева» (!!).

Тогда, в 1990 г., избирались и местные органы власти, в частности, знаменитый Ленинградский совет (впоследствии называвшийся Петросоветом). По крайней мере, четверо из моих ближайших коллег-социологов стали депутатами этого совета. Что касается меня, то я, несмотря на всю свою гражданскую активность, от «хождения во власть» уклонился.

В 1989 г., отчасти на базе клуба «Перестройка», возникла общественно-политическая организация «За Народный фронт» (одним из инициаторов создания которой я был, наряду с Юрием Нестеровым, Геннадием Богомоловым и др.). А затем зародился и сам Ленинградский народный фронт – достаточно массовое общественное движение. «Процесс пошел»!

15. Социолог (1990-е – 2000-е)

Научное подразделение Ленинградского филиала Института социологии АН СССР, куда я перешел из профсоюзной школы культуры осенью 1989 года, назывался: «Сектор социологии общественных движений». Его возглавлял Владимир Костюшев, а сотрудниками были относительно молодые (тогда) социологи, соединявшие науку с гражданской активностью. Из этого сектора вышли и будущий глава известной некоммерческой исследовательской организации Центр независимых социологических исследований Виктор Воронков, и легендарный Леонид Кесельман, зачинатель весьма точных электоральных прогнозов на базе своего профессионального «ноу-хау» - уличных опросов, и ряд профессоров будущего знаменитого Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сам я стал заниматься в этом секторе теорией и методологией изучения общественных движений, а также затеял едва ли не титанический труд – создание Архива-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе». Поначалу это было частью сектора, а потом обрело

самостоятельное значение научно-информационного центра, с уникальным, одним из крупнейших в стране собранием самиздата, новой (возникшей после 1986 г.) прессы и документов общественных движений и «третьего сектора».

Этот архив был поначалу неофициальной, не зарегистрированной ячейкой профессионального социологического сообщества, с одной стороны, и гражданского общества с другой. Существовал он на пожертвования и на личные средства энтузиастов. Помещение первые десять лет предоставлял СПб филиал Института социологии РАН, в котором я тогда работал. Вся работа по поддержанию архива-коллекции в рабочем состоянии строилась на общественных началах.

«Алексеевский архив» (это название за ним закрепилось уже позже) был весьма востребован социальными исследователями (как отечественными, так и зарубежными), а также самими гражданскими активистами, которые были как его пользователями, так и основными вкладчиками.

(Судьба подобных общественных инициатив порой бывала печальна – кончаются ресурсы, нет помещения, уходят энтузиасты; но этому архиву «повезло» сохраниться, и вот уже 8 лет, как он передан мною в Научно-информационный центр «Мемориал» (СПб), где сберегается, к сожалению, в пока не расконсервированном после передислокации состоянии).

Моя социальная активность все 20 лет после поступления (1989) в ЛФ (потом СПбФ) Института социологии АН СССР (потом РАН) – научное учреждение, ставшее теперь самостоятельным академическим институтом (Социологический институт РАН) поддерживалась на довольно высоком уровне – и в рамках Института, и в рамках общественной организации – Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

История возникновения самостоятельного института из регионального филиала московского (рубеж 1990-х – 2000-х гг.) была довольно драматичной. При этом структурном преобразовании оказались не учтены интересы научного коллектива, предпринята попытка закрытия ряда успешно развивавшихся научных направлений. Этому пришлось энергично противодействовать, я оказался своего рода «лидером оппозиции». Эту историю здесь опускаю, поскольку она подробно описана в книге [«Профессия – социолог...» \(том 2, глава 4\)](#).

Моим главным *научным* результатом была монография – [4-томник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»](#), посвященная в основном «эксперименту социолога- рабочего» 1980-х гг., а также общественному контексту этого эксперимента (включая его пред- и постисторию). Книга эта была издана на средства гранта Российского фонда фундаментальных исследований, в петербургском издательстве «Норма», в 2003-2005 гг.

Из событий общественно-профессиональной жизни Вашего собеседника, стоит упомянуть организацию (и написание) [«Открытого письма 40 петербургских социологов коллегам-социологам России»](#) (июль 2007) Это была попытка части социологической общественности противодействовать набиравшим силу мракобесным тенденция в развитии общественной науки. Тоже не буду здесь останавливаться на этом сюжете и отсылаю к своей [статье «Виртуальное эхо»](#), где вся эта история подробно описана..

При всем авторитете в профессиональной среде, я оказался достаточно неудобной фигурой в глазах тогдашнего руководства Социологического института, итогом чего стали дезаттестация и увольнение из Института, по сокращению штатов, в 2008 году. Ну, мне удалось построить из истории своего увольнения социологический кейс (не привыкать после «эксперимента социолога-рабочего!»). Так возникла новая монография (в соавторстве с моим киевским другом и коллегой Романом Ленчевским) – тоже 4-томник «Профессия-социолог...» (СПб.: Норма, 2010), где упомятому кейсу посвящен первый том. (Остальные тома являются своеобразной антологией авторских работ последних лет, а также – мониторингом событий общественной жизни Петербурга и страны конца 2000-х гг., с упором на проблематику гражданской активности).

(Например, весь 4-й том посвящен летописи-мониторингу борьбы общественности Петербурга против попытки строительства в нем уродливого, калечащего облик города небоскреба - газпромовского «Охта-центра» - борьбы, закончившейся, как известно, победой гражданского общества).

Книга «Профессия – социолог...», как и предыдущая («Драматическая социология...»), доступна в интернете: [том 1](#); [том 2](#); [том 3](#); [том 4](#).

16. «Не работающий» пенсионер

Итак, 2008 год, Вашему собеседнику (тогда) – 74 года. Расстался с академическим институтом, «не работающий» пенсионер». Но парадоксальным образом последующие годы оказались замечательным временем повышенной и профессиональной и общественной (теперь уже в широком, а не в «советском» смысле) активности, как в рамках современных НКО / НГО, так и автономно («сам себе НКО»). Откуда такой «прилив сил»? А их и прежде хватало, только теперь НИКТО НЕ МЕШАЕТ.

Вся деятельность субъекта стала СВОБОДНОЙ, не стесненной рамками и, ограничениями и предписаниями официальных структур (академической организации, прежде всего). Нет полубессмысленных, а то и просто бессмысленных трат времени и нервов на пустопорожние планы, отчеты, заседания... Я и раньше старался приспособливать «службу» в Институте к своим интересам, а не наоборот. Но теперь даже и в этом исхитряться не нужно.

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный».

Многие люди, уйдя на пенсию, расставшись с «родным коллективом», как бы утрачивают смысл (да и волю к ...) жизни. Но – может быть и наоборот. Жаль, что период этакой свободы вообще - естественно конечен. Формы самореализации в этом возрасте могут быть самые разные – от воспитания внуков до профессионального творчества. Последнее – мой случай.

В моем биографическом интервью 2012 г. [«Прожитыми годами не горжусь, но вроде и не стыжусь их...»](#), отвечая на вопрос Бориса Докторовца относительно своей жизни «на пенсии», довелось «инвентаризировать» направления и сферы своей профессиональной (она же – и общественная) жизни. Прочитую:

«... Последующие (после увольнения из Института. – А. А.) пять лет оказались едва ли не самыми продуктивными в моей профессиональной биографии, хотя бы солнце жизни естественно и склонялось к закату. Коль скоро ты просишь «выделить» опорные моменты, я назову несколько сфер приложения сил (они же - формы самореализации):

1) Занятия *биографикой*, скажем так, в социологическом и историческом аспектах, иногда с претензией на междисциплинарный синтез. В основном теоретико-методологические изыскания, но также и «прикладные». Работа «в точке пересечения биографии и истории общества» (по выражению Ч. Р. Миллса). Этому немало способствовал и наш коллективный мега-проект, который назову привычным словом [«Международная биографическая инициатива»](#), и «невидимый колледж», сложившийся на его базе.

(В известном смысле итоговой здесь является большая работа, опубликованная в журнале «7 искусств»: «Корни и ветви...», [часть 1](#) и [часть 2](#). - А. А.)

2) Наблюдающее участие в жизни социологического сообщества Питера, да, пожалуй, и России, от [попыток консолидации сопротивления мракобесным тенденциям в развитии социального института отечественной социологии](#), особенно активизировавшимся во второй половине «нулевых» годов, до волонтерского

«социологического сопровождения», подготовки и проведения двух - Московского и Уфимского - [«Четвертых» всероссийских социологических конгрессов в 2012 году](#).

3) Довольно активное участие в делах [Научно-информационного центра «Мемориал» \(СПб\)](#). Этой замечательной команде энтузиастов (одной из тех некоммерческих организаций, кого наши бдительные/бдящие власти пытаются записать в «иностранные агенты»), мне удалось передать свой многострадальный (во времена пребывания в Социологическом институте) «Алексеевский архив». Участвую и в других мемориальных проектах.

4) Своего рода камеральная работа (так это называется, например, у геологов), как ее можно обозначить, если считать всю жизнь работой полевой. Каждому камушку и сколу породы, привезенному когда-то из экспедиции, нужно найти свое место в коллекции, описать, истолковать в контексте и т. д. Работа с архивом (не «в», а именно «с»), причем по преимуществу – с собственным. Итог – [три тома «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»» \(тома 1, 1/1, 1/2\)](#). Вот ответу на твои вопросы, и займусь четвертым (том 3).

Не так давно, я опубликовал на портале «Когита.ру» две своих сетевых библиографии за последние 15 лет: [«Сезам, отворись!»](#) (там, кстати, и некоторые работы коллег и друзей, вывешенные мною на Яндекс.Народ.ру и на Диск.ру) (*Примечание от сентября 2014: В настоящее время хранение материалов на ресурсе Яндекс.Народ.ру прекратилось. – А. А.*) и [«ППСС Андрея Алексева»](#) (ППСС – почти полное собрание сочинений. Эта остроумная аббревиатура заимствована у красноярского историка-мемориальца Алексея Бабия).

5) Продолжение «драматической социологии», во времени и пространстве (то и другое – социальные), причем с отчетливым пониманием, что «жизненные приключения» на надо искать (тем более на склоне лет), они сами тебя найдут, и надо только не отказываться от предлагаемых самой жизнью предметов и поводов для наблюдения, описания, анализа и рефлексии. Собственная жизнь, во всех ее связях и опосредованиях, как включенное наблюдение, а лучше - наблюдающее участие.

(*О понятии **наблюдающее участие** см. подробно: [«Познание действием \(Так что жк такое драматическая социология?»](#) Там, кстати, и краткое описание политического «дела Алексева» середины 1980-х гг. - А. А.)*

б) Мониторинг современной общественной жизни («бывали хуже времена, но не было подлей»), впрочем, и интереснее не так уж много было). 2009-2010 годы так или иначе резюмировались в томах 2 и 3 книги «Профессия – социолог...». Вообще же, мониторинг реализовался через рассылки-обозрения для коллег и друзей, начиная с 2007 года по сей день.

Начиная с осени 2012 г. произошла своего рода институционализация этой деятельности, в форме так называемого краудсорсинга на информационно-аналитическом портале [«Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада»](#). Это работа повседневная, состоящая в том, чтобы вывешивать на этом интернет-портале в среднем в день по три-четыре материала – не своих собственных, так других людей, не перво-, так ре-публикации, но всегда по своему вкусу отобранные и откомментированные.

Теперь мои ежемесячные рассылки приобрели вид хронологически упорядоченного архива и навигатора по порталу – для тех, кто не успевает следить за динамикой панорамы на нем регулярно.

Вот, пожалуй, я кратко осветил (перечислил) «опорные моменты» или направления деятельности социолога-волонтера. Они расставлены здесь не в порядке приоритетов, а, так сказать, хроно-тематически». (Конец цитаты).

Добавлю, что, пожалуй, никогда прежде я не имел такого количества площадок для публикаций. Здесь и [«Социологический журнал»](#), и журнал социологических и маркетинговых исследований [«Телескоп»](#), и сайт [Центра социального прогнозирования и маркетинга](#), и сайт российско-американского проекта [«Международная биографическая](#)

[инициатива](#)», и информационно-аналитический портал «Когита!ру», и сайт [Санкт-Петербургской ассоциации социологов](#), и журнал Евгения Берковича «[Семь искусств](#)»...

В интервью, которое сейчас цитировал, все перечисленные направления и сферы приложения сил освещены подробно, Не буду повторяться. Подчеркну, что едва ли не в каждом из направлений происходит своего рода *синтез* профессиональной и общественной (в широком смысле) активности. Но об этом поговорим позже. Жду очередного Вашего вопроса. (15.11.2014)

17. Конкретно-исторический подход

- Добрый день, Андрей Николаевич! Вновь, огромное спасибо за столь развёрнутый ответ-рассказ на мой вопрос. Изучив написанное, у меня, как всегда, вновь возникла туча вопросов, но, немного подумав, я решила всё-таки сконцентрироваться лишь на двух... Но зато КАКИХ!

Беседуя с Вами, у меня сложилось впечатление, что НКО - это уже даже не часть Вашей жизни, а и есть Ваша жизнь. Хотелось бы узнать, насколько я близка к истине, и в действительности, ЧТО лично для Вас НКО/НГО?

Ну и вопрос, который, по-моему мнению, гармонично дополнит предыдущий, и который поможет (и мне, и возможно, Вам) так сказать развернуть его, заглянуть вглубь себя: что было бы, если бы в Вашей жизни не было НКО/НГО? Вопрос, безусловно, гипотетический, однако...очень бы хотелось «услышать» на него ответ. (14.11.2015)

- Конечно, нехорошо, что отвечаю с таким опозданием, Простите великодушно. Оправдываться не люблю: виноват, и все тут.

Если просмотреть все 3 печ. листа нашей предыдущей беседы (а я это, наконец, сделал, и даже подзаголовки придумал), то обнаружится: а) я более или менее подробно пересказал Вам собственную жизнь (биографическое же интервью!), но под определенным углом зрения: вовсе не затрагивались бытовые, личные, семейные сюжеты; б) предметом нашего разговора было то, что можно назвать ОБЩЕСТВЕННОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ, или, что, пожалуй, несколько Уже, ее (личности) самореализацией в общественной сфере.

Строго говоря, любая сфера жизни есть сфера приложения человеческих сил и способностей, или самореализации - хоть домашнее хозяйство, хоть воспитание детей, хоть дружеское общение... Уж не говорю о профессиональной занятости. Спецификой нашего предмета является – социальная активность, направленная ВОВНЕ (за пределы ближнего круга общения) и активность добровольная, т.е. идущая ИЗНУТРИ, а не вынужденная некими внешними обстоятельствами. Но ведь НКО / НГО – не что иное, как частный случай такой активности, или – точнее – форма ее (само)организации..

Во всякой коллективной, групповой деятельности происходит не просто сложение, а приумножение индивидуальных сил, это – азбука теории деятельности и социальной философии.. Этот «параллелограмм сил» тем мощнее и эффективнее, чем более индивидуальные усилия направлены к единой, общей цели., а не являются существенно разнонаправленными.

Дальше вступают в действие всякие общественно-нормативные ограничения и правила (НКО должно иметь свой устав, должно регистрироваться, формализовать членство и источники поступления средств, представлять соответствующие отчеты в государственные органы и т. д.). Все это «бюрократическое сопровождение» идущей изнутри и направленной вовне социальной активности тормозит всякую инициативу и остужает благородный порыв. Но тут приходится сообразоваться с внешними требованиями и обстоятельствами.

Ну, да все это Вы, особенно применительно к нашим общественно-политическим реалиям, не хуже меня знаете.

Теперь отвечу на Ваш вопрос. Отождествление собственной жизни с теми или иными формами добровольной общественной самоорганизации (частным случаем которой является современный «третий сектор») в принципе и впрямь применимо к моей персоне (да только ли к моей; примерьте-ка и к себе!).

Или, скажем скромнее, формы общественной, групповой самоорганизации исторически разнообразны и преходящи, но – в любых модификациях - их роль в жизни общественно отзывчивых, социально ориентированных и внутренне мотивированных людей может быть чрезвычайно высока. Пожалуй, это и случай Вашего собеседника.

Второй Ваш вопрос вызывает у меня, пожалуй, улыбку. Без НКО / НГО (в современном воплощении этих общественных форм) человечество обходилось тысячелетия. Ну вот, не будем далеко ходить: в жизни поколения моих родителей не было никаких НКО. Что же, и социальной активности не было?. Большую часть жизни я обходился безо всяких НКО / НГО . И ничего. Вот, народились они, историческое время им пришло, и я в них «влился». А запретят всякую групповую общественную самодеятельность, как во времена «большого террора» или даже «развитого социализма», мы, вы, другие, что-нибудь еще придумают.

Ибо изничтожить всякую социальную активность невозможно, даже в самом, что ни есть, тоталитарном обществе. (13.02.2015)

- Андрей Николаевич, СПАСИБО огромное за столь развёрнутые ответы! Вообще, спасибо за то, что не отказали в такой форме интервью, поделились своим опытом. Наше интервью подошло к концу, список вопросов иссяк (хотя, безусловно, с Вами можно говорить, говорить и говорить). Надеюсь, я не сильно «выбивала» Вас из ритма жизни своими расспросами (просто, мне действительно интересно всё то, о чём Вы мне рассказывали). Спасибо и за дружелюбность, за открытость, за честность...Надеюсь, что и Вам материал нашей онлайн-беседы пригодится! (я помню, об этом Вы говорили в самом начале интервью). До встречи на Когите! Е. Путьдла-Стумбрис. (14.02.2015).

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Недавно мне пришло в голову собрать вместе все интервью, которые приходилось за свою жизнь давать. Некоторые из них оперативно публиковались, некоторые оставались в столе интервьюера (и интервьюируемого) и дожидались своего срока. В 2014 году автор этих строк опубликовал на портале «Когита!ру» своего рода сериал под названием «А. Алексеев. Интервью разных лет» из 5 частей: [часть 1](#); [часть 2](#), [часть 3](#); [часть 4](#); [часть 5](#).

Из этих интервью – два биографических: [«Рыба ищет, где глубже, а человек – где не так мелко...»](#) (2006) и [«Прожитыми годами не горжусь, но вроде и не стыжусь их...»](#) (другое название: «Продолжение следует») (2014) . Эти интервью публиковались: на сайте американо-российского проекта [«Международная биографическая инициатива»](#), в петербургском журнале социологических и маркетологических исследований [«Телескоп»](#) (2014, №, 4) на портале [Когита.ру](#), на сайте [Санкт-Петербургской ассоциации социологов](#), вошли они и в он-лайн книгу Б. Докторова [«Биографические интервью с коллегами-социологами»](#).

Настоящее интервью, названное автором; «На семи ветрах (исповедь общественного активиста)», - наверное, завершает этот цикл.

Биографическое интервью – особый жанр, в котором успех зависит как от интервьюируемого, так от интервьюера. При соответствующей установке обоих

собеседников, оно может стать содержательной ауторефлексией, размышлением о пройденном пути, о мире в себе и о себе в мире. Здесь не только фактография, но и жизнеощущение, и жизнеосмысление, и, может быть, суд над самим собой. Как правило, это – АВТОПОРТРЕТ, суть которого не только в том, что рассказано, но и КАК рассказано.

Во всяком интервью, включая биографическое, существенна его диалогическая природа. Здесь многое зависит от интервьюера, его искусства СПРАШИВАТЬ и СЛУШАТЬ. Пользуюсь случаем выразить свою признательность нижнетагильскому историку Елене Путиловой-Стумбрис, которая была для меня заслуженным собеседником.

(Заслуженный собеседник, по А.А. Ухтомскому, - тот, которого ты заслужил).

А. Алексеев
24.02.2015.

Конец